

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени
Г.Р.Державина»**

**Факультет филологии и журналистики
Кафедра русской и зарубежной литературы,
журналистики**

ДОПУЩЕНА К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой
_____ / Желтова Н.Ю.
« ___ » _____ 2020 г.

Бадикян Аида Артуровна

**РУССКАЯ И АРМЯНСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА:
СЮЖЕТЫ, МЕТАСХЕМЫ, ОБРАЗЫ И МОТИВЫ**

Бакалаврская работа

студента 4 курса 4019
группы
очной формы обучения
направления
подготовки
45.03.01 Филология,
профиль
«Отечественная
филология
(русский язык и
литература)»

Руководитель:
кандидат
филологических наук,
доцент, доцент кафедры
русской и зарубежной
литературы,
журналистики

Буянова Галина
Борисовна

Тамбов – 2020

РЕФЕРАТ

Бадибян, А.А. Русская и армянская народная сказка: сюжеты, метасхемы, образы и мотивы / Бадибян Аида Артуровна, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т имени Г.Р. Державина», факультет филологии и журналистики, кафедра русской и зарубежной литературы, журналистики. – Тамбов, 2020. – 72 с. – Библиогр.: с. 73-78.

Ключевые слова: фольклорная культура, национальное своеобразие, русская и армянская сказки, сюжет и композиция, мотивы, образная система, художественная форма.

Объектом исследования являются тексты армянских и русских народных сказок, собранных А.Т. Ганалаяном, В.П. Аникиным, А.Н. Афанасьевым. Для исследования и сопоставления наиболее популярных сказочных сюжетов в тексте дипломной работы используются литературные сказки А.С. Пушкина и О.Т. Туманяна.

Предмет исследования – сравнительный анализ жанровых особенностей армянской и русской народной сказки, особенностей сюжетосложения и композиции сказок, значимых типологических признаков произведений

сказочного жанра, образной системы в волшебных и бытовых сказках русского и армянского народов.

Цель работы – исследование сюжетообразующих, типологических, образных, культурологических характеристик русской и армянской народной сказки.

Задачи:

– выявить и исследовать аспекты, сближающие сказки двух народов в содержательном плане;

– используя методологию В.Я. Проппа, рассмотреть основные сюжетообразующие элементы, мотивы и метасхемы армянской и русской волшебной сказке;

– исследовать основные типы и функции героев в сказках армянского и русского народов;

– проследить, как отражаются в сказках мифологические и религиозные воззрения, христианская символика двух народов.

В основе **метода исследования** – синтез сравнительно-типологического, структурного и текстологического подходов.

В результате проведенной работы были получены следующие результаты:

1. выявлены отличия в работе собирателей русских и армянских народных сказок

2. обозначены наиболее часто встречающиеся сюжеты в волшебном и бытовом сказочном фольклоре двух народов

3. проанализированы метасхемы русской и армянской сказки

4. разграничены и проанализированы образы положительных и отрицательных героев в волшебных и бытовых сказках обоих народов.

Новизна работы обусловлена недостаточностью изучения образов, мотивов, сюжетов и жанрово-стилевых аспектов сказок в сопоставительном плане, а также христианских и мифологических мотивов в них.

Практическая значимость работы определяется тем, что её результаты могут быть использованы при чтении лекционных курсов по устному народному творчеству и фольклористике, могут быть положены в основу различных спецкурсов и спецсеминаров для студентов филологического факультета, обучающихся в вузах. Могут быть использованы студентами-филологами в процессе подготовки различных исследовательских работ.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
1 СЮЖЕТЫ И МЕТАСХЕМЫ РУССКОЙ И АРМЯНСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ.....	13
1.1 Разработка популярных сюжетов в русском и армянском сказочном	сказочном

фольклоре.....	13
1.2 Метасхема и основные герои русской и армянской волшебной сказки.....	18
1.3 Художественная специфика русской и армянской сказки: мифологические и религиозные образы и мотивы, нумерология.....	34
2 ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА АРМЯНСКОЙ И РУССКОЙ СКАЗКИ.....	51
2.1 Образы положительных и отрицательных героев бытовых сказок.....	51
2.2 Герои и антигерои в волшебных сказках.....	58
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	67
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	73
ИСПОЛЬЗОВАННЫХ	

ВВЕДЕНИЕ

Сказка – это древнейший вид устного народного творчества, классический образец фольклора, источник народной мудрости, имеющий огромные развивающие и воспитывающие возможности. С.И. Ожегов в «Толковом словаре русского языка» даёт следующее определение сказки: 1. Повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических лиц. 2. Выдумка, ложь [14, с. 473].

В «Словаре литературоведческих терминов» под редакцией Л.И. Тимофеева и С.В. Тураева дается следующее толкование термина «сказка»: «Один из основных жанров народного устно-поэтического творчества. Сказка – преимущественно прозаический художественный устный рассказ фантастического, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел. Термином «сказка» называют разнообразные виды устной прозы: рассказы о животных, волшебные истории, авантурные повести, бытовые сатирические анекдоты. Отсюда – разноречивость в раскрытии термина «сказка» и в определении специфических особенностей сказки» [15, с. 356].

В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» под редакцией А.Н. Николюкина сказка определяется как «вид фольклорной прозы, известный у всех народов» [13, с. 986]. «В отличие от несказочной прозы (преданий, легенд, быличек), – пишет автор словарной статьи «сказка» Т.В. Зуева, – сказки воспринимались как «нарочитая и поэтическая фикция» [49, с. 87]. Содержание сказки не вписано в реальное пространство и время, однако сказки сохраняли жизненное правдоподобие, наполнялись правдивыми бытовыми деталями» [13, с. 990].

Если принимать во внимание многочисленные учебные пособия по устному народному творчеству, сказка и в них определяется и как фольклорный жанр, и как вид фольклорной прозы, поэтому нам представляется возможным в данном случае говорить об аналогии в терминологических толкованиях.

Сказка возникла в доисторические времена, она имеет длительную историю становления и развития и обладает целым рядом художественных особенностей. Поскольку сказка играет большую роль в устном творчестве всех народов на различных этапах его развития, следует указать типичные признаки, которые выделял в своих работах известный фольклорист В.Я. Пропп [46, с. 38]:

- повествовательность и сюжетность;
- занимательность (наличие историй с удивительными сюжетами, направленными на развлечение);
- повествование о реальных событиях, но с установкой на вымысел, необычное (фантастическое, чудесное или житейское) событие, лежащее в основе произведения;

- особое композиционно-стилистическое построение, линейное изображение событий, завершённость и законченность сюжета;

- победа добра над злом, торжество правды над кривдой, жизни над смертью, которые в свою очередь определяют воспитательную функцию сказки;

- сочетание развлекательной, воспитательной и образовательной функций;

- направленность в основном на детскую аудиторию.

Жанр сказки очень богат и разнообразен, включает в себя авторские и народные, прозаические и поэтические, развлекательные и поучительные, односюжетные и многосюжетные произведения.

В условиях современной реальности изучение и сопоставление сказок народов мира помогает изучению диалога культур, глубокому и точному обоснованию и пониманию межнациональных связей. Человек, воспринимающий мир волшебных сюжетов, формирует себя как многогранное и целостное существо.

Научный интерес к тематике, связанной с изучением сказки, обусловлен и внутренними потребностями фольклористики, ставящей своей задачей сравнительное изучение сюжетов, образов, мотивов сказок разных народов мира, так как возникновение сказки как вида творчества уходит корнями в глубокую древность и тесно связано с мифологией и народным творчеством всех народов земли.

Сказки бытовали на Руси с древнейших времен, но записи их появляются лишь в XVII в. С тех пор слово «сказка» стало употребляться в современном значении. До этого были

«байки», «бахари», «басени». Одна из первых записей русских сказок принадлежат англичанину Сэмюэлю Коллинсу – он записал две сказки о царе Иване Грозном. Русские сказки редко можно обнаружить в рукописях XVIII в., но в 1787 году вышел сборник «Сказки русские, собранные и изданные П. Тимофеевым» сборники С. Друковцева «Бабушкины сказки» (1778), «Сова, ночная птица» (1779), где сохранялись в записях сохранялись не только подлинные сюжеты и образы, но и язык.

В конце 10-х и особенно в 20-е гг. XIX в. под влиянием западных собирателей и исследователей фольклора в России пробуждается интерес к народной сказке. В литературе Европы и России развивается романтическое направление, одним из главных принципов которого является обращение к фольклору, интерес к старине, народность. Фольклорные произведения записывают А.А. Дельвиг, А.С. Пушкин, Н. Языков, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, братья Аксаковы. Одним из собирателей был В.И. Даль, записавший до тысячи подлинно народных сказок. В 1832 году он выпустил отдельный сборник «Русские сказки. Пяток первый». Большую популярность имели также фольклорные сборники И.П. Сахарова «Русские народные сказки» (СПб., 1841) и Богдана Бронницына «Русские народные сказки» (1838). В 30-ые годы XIX века увидели свет сказки В.А. Жуковского и А.С. Пушкина, «Конек-Горбунок» П.П. Ершова.

Пожалуй, самым известным собирателем и издателем русских народных сказок девятнадцатого столетия по праву считается А.Н. Афанасьев (1826-1871). «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева (8 выпусков с 1854 по 1886 г.)

открыли в России издание подлинных народных текстов. Это собрание стало классическим; до сих пор это самый большой сборник сказок – их свыше 600. Сборник является первым научным изданием сказок – в собрании сказок А.Н. Афанасьева используется нумерация с учетом разработанного в сказке сюжета.

В Армении интерес к жанру сказки проявился в начале 19 века, когда Армянское нагорье посетил путешественник барон Август фон Гакстгаузен. Ему принадлежит едва ли не первая запись народных армянских сказок. Так как он не знал языка, ему помогал основоположник армянской литературы, педагог и этнограф Хачатур Аветикович Абовян. Гакстгаузен оказал большое влияние и на Абовяна, и на армянскую общественную жизнь, и на формирование национальной литературы.

Армянские сказки собирал выдающийся филолог, фольклорист и церковный деятель, епископ Гарегин Срвандзтян. Ему принадлежат прекрасно составленные сборники сказок «Хамов-Хотов», «Манана» и «Гроц-Броц». В конце 19 века армянский этнограф, археолог, кавказский краевед и фольклорист Ерванд Лалаян основал в Тифлисе «Армянское этнографическое общество». Уже в 1896 году в «Этнографическом журнале» им было помещено множество армянских сказок, уровень обращения к сказкам стал научным.

Первые собиратели и публикаторы армянских сказок в 60-70-х годах 19 века, стремясь сохранить национальную старину (и в первую очередь диалект), обращались к фольклору определенного историко-этнографического

района. Так, Г. Срвандзтян собирал фольклор Вана (Западная Армения), Г. Тер-Александрян – фольклор Тифлиса, Т. Навасардян – сказки Айрарата, в араратских деревнях. Например, в 1914 г. Лалаянц издал три тома сказок под общим названием «Маргаритнер», записанных в Аштараке, Вахаршапате, Ошакане и других араратских деревнях, а также со слов выходцев персидской и турецкой Армении. Материал также собирали из разных местностей Айкуни и Александр Мхитарянц, всего – 96 сказок. Следует отметить самоотверженный труд фольклористов-собираателей старшего поколения. Деятельность этих энтузиастов — братьев Бахатрянов (60-е годы XIX в.), С. Мовсисяна (1910-е, 1930-е, 1940-е годы), М. Григорян (1920-е, 1930-е и 1940-е годы).

Работа по классификации сюжетов была продолжена А. Т. Ганалаяном в его книге «Армянские народные сказки», вышедшей в 1965 г. Огромный вклад в фольклористику внёс О.Т. Туманян. Он активно занимался сбором, изучением и обработкой фольклорных произведений различных жанров, как и известный педагог и писатель, учитель Туманяна Газарос Агаян (1840-1911) в середине XIX века. Нерасторжимо связаны в армянском поэтическом и культурном сознании имя и творчество гения армянской поэзии Ованеса Туманяна и народной сказки. Он является автором 22 обработок народных армянских сказок, а в 1908-1912 гг. они были изданы отдельными книгами. Его произведения и по сей день являются шедеврами армянской классики.

Работа обоих собирателей сказочного фольклора – А.Н. Афанасьев и О.Т. Туманяна – имеет общие черты. Они

обращали внимание на основные идеи (борьба добра со злом, патриотизм, уважение к старшим, любовь); постановку и разрешение в сказках социальных конфликтов (бедность – богатство, сила – слабость), нравственные идеалы и мораль (прославляется ум, смелость, трудолюбие). Собиратели обращали внимание на самобытность сказочного фольклора, проявляющуюся в изображении национальной специфики - в описаниях обычаев, среды обитания, предметного мира, эстетических идеалов.

Актуальность избранной темы определяется особой ролью сказки в культуре и быте народов, недостаточностью изучения жанрово-стилевых аспектов сказок в сопоставительном плане, а также необходимостью изучения мифологических и религиозных мотивов и их роли в содержании сказок.

Объектом исследования являются тексты армянских и русских народных сказок, собранных А.Т. Ганалаяном, В.П. Аникиным, А.Н. Афанасьевым. Для исследования и сопоставления наиболее популярных сказочных сюжетов в тексте дипломной работы используются литературные сказки А.С. Пушкина и О.Т. Туманяна.

Предмет исследования – сравнительный анализ жанровых особенностей армянской и русской народной сказки, особенностей сюжетосложения и композиции сказок, значимых типологических признаков произведений сказочного жанра, образной системы в волшебных и бытовых сказках русского и армянского народов.

Цель работы – исследование сюжетообразующих, типологических, образных, культурологических

характеристик русской и армянской народной сказки. Реализация выбранной цели предполагает постановку и решение следующих исследовательских задач:

- выявить и исследовать аспекты, сближающие сказки двух народов в содержательном плане;

- используя методологию В.Я. Проппа, рассмотреть основные сюжетообразующие элементы, мотивы и метасхемы армянской и русской волшебной сказки;

- исследовать основные типы и функции героев в сказках армянского и русского народов;

- проследить, как отражаются в сказках мифологические и религиозные воззрения, христианская символика двух народов.

В основе метода исследования – синтез сравнительно-типологического, структурного и текстологического подходов.

Теоретико-методологическую базу работы составляют фундаментальные исследования по теории и истории фольклора А.Н. Афанасьева («Поэтические воззрения славян на природу»); Ф.И. Буслаева («Перехожие повести и рассказы»); А.Н. Веселовского («Историческая поэтика»); В.М. Жирмунского («Сравнительное литературоведение», «К вопросу о международных сказочных сюжетах»); В.Я. Проппа («Русская сказка», «Морфология / исторические корни волшебной сказки»); В.П. Аникина («Русская народная сказка»); А.Т. Ганалаяна («Армянские народные сказки»), Г. Халатянца «Общий очерк народных армянских сказок» (1985 г.), С.А. Гуллакяна («Указатель сюжетов армянских волшебных и новеллистических сказок»).

Теоретическая значимость результатов исследования связана с углублением понимания определённых историко-филологических, культурологических аспектов взаимосвязей армянской и русской сказок. Результаты, полученные при проведении исследования, позволяют заполнить существующую в фольклористике незаполненную нишу по сравнительному изучению сказок двух народов – русского и армянского. Материалы данной работы позволят продемонстрировать межнациональную, этническую связь, родство между двумя народами на основе сопоставления народных сказок.

Практическая значимость работы определяется тем, что её результаты могут быть использованы при чтении лекционных курсов по устному народному творчеству и фольклористике, могут быть положены в основу различных спецкурсов и спецсеминаров для студентов филологического факультета, обучающихся в вузах. Могут быть использованы студентами-филологами в процессе подготовки различных исследовательских работ.

Апробация исследования осуществлялась на международных конференциях «Славянский мир: духовные традиции и словесность» (2017-2020 гг.), на Региональной научной конференции молодых учёных «Традиционная народная культура: комплексное исследование» (2018 г.), Международной конференции «Ономастика Поволжья» (2018 г.)

Основные положения квалификационной работы изложены в пяти публикациях: «Волшебная сказка в русском и армянском фольклоре: опыт сопоставительного анализа» в

сборнике «Славянский мир: духовные традиции и словесность» (2017г.); «Метасхема армянской волшебной «Сказки о златокудром царевиче» в «Альманахе молодёжной науки» (2019г.); «Значение армянских имен в фольклорных памятниках (на материале армянских мифов и сказок)» в сборнике «Первый молодёжный форум: Имя. Язык. Мир» (Ульяновск. 2018г.); «Легенды и сказки Армении» Ованеса Туманяна: типологические особенности, национальное своеобразие, глубина содержания в журнале «Державинский форум» (2020г.); «Поэтика народной и литературной сказки: христианские идеи и мораль, специфика нумерологии» (работа сдана в печать в сборник «Славянский мир: духовные традиции и словесность»).

ГЛАВА 1 СЮЖЕТЫ И МЕТАСХЕМЫ РУССКОЙ И АРМЯНСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

1.1 Разработка популярных сюжетов в русском и армянском сказочном фольклоре

«На берегах Ванского озера можно услышать те же сказки с теми же подробностями, что и у берегов Волги и Дуная» – писал этнограф и фольклорист Г.А. Халатьянц в «Общем очерке народных армянских сказок» [55, с. 11]. Его работа является первым опытом сравнительного анализа армянского сказочного репертуара. Он сопоставлял персонажи и мотивы армянских сказок со славянскими, немецкими, грузинскими, менгрельскими и многими другими сказками. Последователем этого дела была М.С. Шагинян, которая в свою очередь утверждала: «почти ни одной армянской сказки нельзя прочесть без того, чтобы не вспомнить такую же европейскую» [60, с. 6]. Работу продолжил и А. Т. Ганалаян («Армянские народные сказки», 1965г., изданная на русском языке), но был использован небольшой объём материала, в связи с чем нельзя утверждать о полноценности и законченности исследования. До начала XX века неоднократно предпринимались опыты классификации и систематизации сказочных сюжетов, но ни один из них не был доведен до конца. В научный обиход вошёл лишь «Указатель сказочных типов», составленный А. Аарне, так как он рассматривал весь накопившийся материал текстов, находившихся в европейских сборниках, в том числе

самым крупным был сборник А.Н. Афанасьева. В русской традиции данный труд называется «Указателем сказочных сюжетов». Аарне разделил тексты по жанровым разновидностям, он выделял группы:

- 1) сказки о животных;
- 2) собственно, сказки:
 - волшебные сказки;
 - легендарные сказки;
 - новеллистические;
 - сказки о глупом чёрте (великане);
- 3) анекдоты.

Внутри этих групп сказки объединяются в гнёзда по тематическому признаку (типу): каждая сказка имеет порядковый номер (в первой группе – от 1 до 299, во второй – от 300 до 1199, и в третьей – от 1200 до 1999). В нумерации были оставлены пропуски для внесения новых сюжетов (типов). Каждый сказочный тип имеет краткое описание и библиографический указатель. Несмотря на такую популярность данного указателя сюжетов, есть вопросы и недостатки. Непонятно почему второй раздел назван «собственно сказки». Под такой формулировкой могли числиться и сказки о животных. Трудно поддаются объяснению и названия «легендарные сказки», «сказки о глупом чёрте (великане)». Но, несмотря на это, указателем пользуются уже долгие годы все фольклористы (сказковеды) мира; это можно объяснить тем, что здесь сюжеты легко можно отыскать, а закреплённые за ними цифры вовсе стали необходимы и широко известны. Каталог Аарне на русский язык перевёл и внёс некоторые дополнения, русский

советский фольклорист, литературовед, профессор Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена, Н.П. Андреев. Из-за различных дополнительно внесённых сведений в указателе сюжетов появилась некая неупорядоченность, это требовало систематизации. Данную работу провёл Ститом Томпсон: перевёл на английский язык, учёл все внесённые новые данные. Безусловно, труд был усовершенствован и стал универсальным международным каталогом сказочных сюжетов, поэтому носит название «Указатель» Аарне-Томпсона.

Первым опытом научного определения фольклорных параллелей стал комментарий Н. П. Андреева в сборнике «Армянские сказки», где были идентифицированы армянские сказки по каталогу Аарне-Андреева. Однако были исследованы лишь сорок сюжетов, что, конечно же, очень мало, если учитывать общее количество армянских сказок, а также наличие всех групп волшебных и новеллистических сказок. Например, в 1959-1980 годах 1447 текстов армянских народных сказок были помещены в одиннадцати томах. О многообразии и богатом материале писала и сама Мариэтта Шагинян: «Творчество сказок присуще армянскому народу в высшей степени» [56, с. 10]. Стоит отметить, что типологический анализ сюжетов так и остался малоизученным, именно поэтому данная тема вызывает интерес.

С.А. Гуллакян в 600 текстах волшебных и новеллистических армянских сказок обнаружил 107 типов и подтипов. Наиболее популярны армянские волшебные

сказки. Они имеют более широкое территориальное распространение, чем сказки других жанров и отличаются особой устойчивостью традиционной формы. Среди них сюжеты из раздела «Чудесный помощник»: «Сын охотника», «Благодарный мертвец» (который встречается чаще, чем у других народов; у Томпсона вовсе отсутствует, а в сравнительном указателе сюжетов восточнославянских сказок выделен как подтип), «Принцесса на стеклянной горе», «Верный друг», «Похищенная принцесса», «Поиски золотой птицы», «Сын ищет исчезнувшего отца». Следующий частый сюжет из раздела «Чудесный противник»: «Сердце чудовища (дьявола) в яйце», «Жизнь героя в его мече», «24 брата и 24 невесты», «Сестра-людоед», «Близнецы или братья по крови». В русском репертуаре тоже наибольшей популярностью пользуются волшебные сказки, среди них также сюжеты из раздела «Чудесный помощник»: «Три подземных царства», «Чудесная птица», «Молодильные яблоки», «Сивко-Бурко», «Волшебное кольцо», «Чудесные дары», «Мачеха и падчерица», «Скорый гонец». Из раздела «Чудесный противник»: «Волшебное зеркальце», «Смерть Кощей», «Победитель змея», «Бой на калиновом мосту», «Чудесное бегство». Среди армянских сказок есть разновидность, отмеченная в указателе Томпсона, – о поющем дереве, говорящей птице и живой воде, добываемых героем.

Далее по степени распространённости у обоих народов выделяются новеллистические сказки. У армян чаще всего встречаются типы из раздела «Верность и невинность»: «Не раз доказанная верность», «Невинно оклеветанная девушка»,

«Королевские дети», «Учитель-вурдалак и камень жалости». Интересно, что по Томпсону сказки «Похищенная жена» и «Купленная жена» встречаются только в русском репертуаре, но при сопоставлении выяснилось, что встречаются они и в армянском репертуаре. А в сравнительном указателе сюжетов восточнославянских сказок написано, что сюжет «Солдат находит исчезнувшую жену» есть только в русских и восточнославянских записях, однако этот же сюжет бытует и в армянской традиции. Из новеллистических русских сказок стоит выделить: «Муж исправляет жену», «Царь Соломон и его неверная жена», «Добрые советы», «О разбойниках и ворах», «Бог награждает и наказывает». Есть сюжеты, присущие и армянской и русской традиции: «Женитьба на царевне», «Девушка выходит замуж за царевича», «Умные дела и слова».

Примечательно, что существует единственный сюжет, который фигурирует только в русских сказках, но не встречается даже в украинских и белорусских – «Финист ясный сокол». Об этом писала Нелли Хачатурян в одной из своих статей, где сравнивала армянскую и русскую народные сказки: «Скажем, сюжеты о Финисте Ясном соколе или Иване-царевиче и сером волке – даже не просто любимые, а знаковые для русской литературы и искусства в целом. Об армянском фольклоре того же не скажешь, но сходные мотивы встречаются, и не раз» [57]. Ещё один сюжет, редко встречающийся у других, – «Борма-ярыжка». Возможно, это зависит от того, что сложилась сказка не ранее конца 18 века на литературной основе. Кроме того, в сказочном репертуаре восточнославянских народов есть сюжеты, отсутствующие в

фольклоре других народов: «Волк и свинья», «Верлиока», «Суд орла над вороной», «Птичий царь Кук», «Окаменелое царство», «Скрипач у чертей», «Богач в аду», «Мстительный святой». Довольно характерными являются также сюжеты «Терем мухи», «Катигорошек», «Горе», раздел сюжетов о жене-колдунье, о царской собаке.

Важную роль играют контаминации – соединение в одном произведении двух или нескольких сюжетов. Исследовательница русских сказок Н. Ведерникова писала об этом так: «Контаминация — это сложный художественный прием, владеть которым могут лишь сказочники-мастера с большим репертуаром... Контаминация расширяет творческие возможности сказочников, позволяет показать мастерство рассказчика, знание сюжетов, умение на основе знакомого традиционного материала построить новое произведение» [23, с. 27]. Исследовательница акцентирует внимание на авторе, создающем сказку, но известны и народные контаминации, например в армянском фольклоре сюжет «Царевич-змей» сочетается с сюжетом о «Солнечном юноше». Сказка о солнечном юноше есть и у грузин, но отсутствует в указателе сюжетов Аарне-Томпсона, поэтому ему был присвоен номер в грузинском указателе сюжетов, под этим же номером он числится и в армянском указателе.

Сюжетный состав армянского репертуара включает как популярные сюжеты из грузинского, персидского, так и европейского и восточнославянского репертуара. Это определяется географическим местоположением Армении, которая находится между Западом и Востоком, а также историческими связями. Армянский репертуар объединяет и

хранит сказки, рассказываемые в разных частях света. Совпадение сюжетов говорит о дружеских отношениях между армянским и русским народом, о постоянном общении, в результате которого происходил обмен опыта в культурном плане, заимствование друг у друга мотивов, образов и сюжетов фольклора. Отличия же говорят о том, что у каждого народа свой репертуар сказок, особенности которого заключаются в наличии для каждого народа индивидуальных характерных типов, сюжетов, историй, контаминаций, частотности их употребления. Например, жанровые разновидности русских сказок отличаются большей замкнутостью и дифференцированностью, а для армянских сказок характерно психологизация, большое количество фабульных перипетий.

Изучение состава национального репертуара позволяет лучше сопоставить со сказочным фольклором других народов, что поможет выработать определённые представления о народном быте, обычаях, мировоззрении, о путях распространения и бытования определённых повествовательных сказочных типов.

1.2 Метасхема и основные герои русской и армянской волшебной сказки

«Фольклор, несомненно, является одним из сгустков национальной картины мира и национального менталитета» [63, с. 13] – писала переводчица, лингвист и литературовед Н.А. Хачатурян. Сказка – это, безусловно, жанр, сохраняющий лицо народа на фоне других культур. В нём заложены и исторические события, и мифы, и легенды, и

обычаи, ритуалы, мировоззрения той или иной цивилизации. Несмотря на это, в Древней Руси сказки официально были под запретом, воспринимались как колдовство, поэтому их не записывали и бытовали они в устной форме. В России и в Армении до конца 18 века сказкам не придавали серьёзного значения и относили их к несерьёзным историям простого народа. Как известно, главенствующее направление того времени – классицизм – основывалось на античных образцах.

В начале XIX века с утверждением романтизма всё поменялось, возрождался живой интерес к национальному прошлому. В наше время также отмечен растущий интерес к национальной картине мира в ее связи с национальным сознанием, культурой и языком, хотя данная тема поднималась ещё в трудах В. фон Гумбольдта в начале 19 века. Это объясняется во многом и возросшим общественным самосознанием, широкими межкультурными связями в современном мире. Так как большинство армян живут за пределами своей страны, находятся в разных уголках планеты, то их в большей степени начинает интересовать история своей Родины, литература и фольклор, особенно в сравнении с культурой и литературой других стран (где они проживают). Возросший интерес в России к данной теме тоже понятен, ведь Российская Федерация – это многонациональное государство, где проживают свыше 160 национальностей.

Есть множество классификаций сказок по тематике и стилистике, но в основном они делятся на три группы: сказки о животных, волшебные сказки, социально-бытовые (сатирические) сказки. В «Сравнительном указателе

сюжетов. Восточнославянская сказка» дано более детальное разграничение:

1. сказки о животных, растениях;
2. волшебные сказки;
3. легендарные сказки – возникли в середине 19 века, корни заложены в мифах или религиозной литературе;
4. новеллистические (бытовые) сказки прочно связаны с реальностью, достоверно передаются особенности быта, а главный персонаж – обычный человек из народной среды, борющийся за справедливость и добивающийся своего с помощью смекалки, ловкости и хитрости;
5. сказки об одураченном чёрте;
6. анекдоты отличается от анекдота тем, что является развёрнутым повествованием анекдота;
7. небылицы – сказки, построенные на бессмыслице;
8. кумулятивные сказки – (кумуляция – циклическое повторение и расширение сюжетных узлов) композиция строится на многократном, нарастающем повторении одних и тех же действий, пока созданная цепь не обрывается или же не расплетается в обратном, убывающем, порядке. (Например, сказка «Репка»);
9. докучные сказки – сказки с бесконечным повторением действий («Про белого бычка»).

Для составления метасхемы и сопоставления метасхем были выбраны волшебные сказки, в основу исследования положена методология выдающегося фольклориста В.Я. Проппа, изложенная в труде «Морфология сказки». Ученый исследовал в работе композицию, сюжеты, художественные особенности сказок и вывел определённую схему построения

волшебной сказки, имеющую тридцать одну функцию. Функции соотносятся с определенными персонажами волшебной сказки. Число функций в волшебной сказке ограничено, а их последовательность всегда неизменна.

Кроме деления на жанры (волшебные, бытовые и т.д.), ученый предлагал дальнейшее деление на типы, в свою очередь, распадающиеся на сюжеты, которые делятся на версии и варианты. В.Я. Пропп называл мотивы в волшебных сказках функциями – поступками действующего лица, определяемыми с точки зрения его значения для хода действия. Он считал, что сказочных функций меньше, чем персонажей. Этим и объяснял «двойное» качество сказки: с одной стороны, – многообразие и пестрота, а, с другой стороны, – однообразие. В.Я. Пропп выявил набор ролей, которые распределяются между конкретными персонажами и их функциями. Семь сказочных персонажей (можно назвать их типами сказочных героев) осуществляют в тексте определенные функции:

- герой-антагонист (вредитель);
- герой-даритель;
- герой-помощник;
- царевна или её отец;
- герой-отправитель;
- главный герой;
- ложный герой.

В волшебной сказке непременно присутствуют чудеса, в ней находит отражение богатая фантазия наших предков, но все сказочные истории, переданные из уст в уста, создавались на основе бытовых повседневных событий. В

каждом тексте есть идея и правда, которая нагляднее демонстрируется и лучше воспринимается, нежели если бы повествование велось без вымысла. Как гласит известная пословица «Сказка-ложь, да в ней намёк – добрым молодцам урок!». О реалистической основе волшебной сказки и ее чудесах писал А.М. Горький, ту же особенность волшебной сказки отмечал В.П. Аникин: «Было время, когда в истину сказочных повествований верили так же непоколебимо, как мы верим сегодня историко-документальному рассказу или очерку» [16, с. 10]; «Через сказку перед нами раскрывается тысячелетняя самобытная история» [там же, с. 218], – утверждал исследователь. Авторы «Литературной энциклопедии терминов и понятий» подчеркивают: «Содержание сказки не вписано в реальное пространство и время, однако сказки сохраняли жизненное правдоподобие, наполнялись правдивыми бытовыми деталями» [13, с.988].

Армянская народная волшебная «Сказка о златокудром царевиче» напоминает русскую народную волшебную сказку «Об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке» и литературную сказку А.С. Пушкина «О царе Салтане, его сыне Гвидоне Салтановиче и прекрасной Царевне Лебеди». Известно, что великий русский писатель при создании сказки «О царе Салтане...» использовал народную сказку «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре». В данном случае мы видим явный пример контаминации – объединении несколько сюжетов в один, о чём было написано выше, в пункте 1.1. Литературная сказка А.С. Пушкина, как и многие другие его сказки, полностью основаны на народных преданиях, легендах и сказках. Он лишь обрабатывает её,

убирая лишние сюжетные линии и облакая в стихотворную форму.

Сюжет сказки о златокудром царевиче относится к сказочным сюжетам о рождении чудесного ребенка: «Когда пришло время, царица родила сына. Мальчик был с сияющими золотыми волосами» [2, с. 487], «Ночью конюший отвез царицу в ту же пещеру, где он укрыл ее ребенка. Бедняжка царица подумала, что ее сейчас будут убивать. – Не бойся, моя царица, я не причиню тебе вреда, – сказал конюший. – Ты можешь доверять мне. Считай меня с этого дня своим братом. Не щенок у тебя родился, как это сказали царю твои сестры. У тебя родился златокудрый сыночек-красавец» [2, с. 488].

Сюжет, повествующий о рождении чудесного ребенка, очень популярен в русском сказочном фольклоре. «Воловье ушко», «Три подземных царства», «Иван Медвежье ушко», «Жихарко», «Лутонюшка», «Два брата», «Иван Сучич», «Горошек» и многие другие сказки разрабатывают этот сюжет [36].

О популярности сюжета с рождением чудесного ребенка свидетельствует то, что именно его использовал А.С. Пушкин в сказке «О царе Салтане...»:

Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребенком
Как орлица над орленком [6, с. 313].

О необычности этого ребёнка говорится и в другом эпизоде:

И растёт ребёнок там
Не по дням, а по часам [6, с. 315].

Как уже упоминалось ранее, Владимир Яковлевич Пропп выделил в сказках устойчивые элементы, которые он назвал функциями. Совокупность функций, их последовательность составляет метасхему любой сказки, в том числе и «Сказки о златокудром царевиче». Рассмотрим основные события.

1. Отлучка. Многие сказки начинаются с того, что один из персонажей временно удаляется, оставив героя на произвол судьбы. В «Сказке о златокудром царевиче» отлучек несколько. Одна из них – в самом начале сказочного повествования: «Случилось горе – умерла царица. Пять лет скорбел царь, соблюдая траур. Вот, как-то раз, он вызвал конюшего и сказал ему:

– Седлай двух коней. Надо развеяться. Немного свежего воздуха мне не помешает. Они отправились на конную прогулку по окрестностям столицы. Вдруг смотрят они: возле общественного фонтана набирают в кувшины воду три сестры-красавицы...» [2, с. 486]. Отлучка происходит и со златокудром царевичем, который вместе с матерью – царицей находится долгое время в пещере, далеко от своего отца и царства. В русской волшебной сказке «Об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке» отчий дом покидают сыновья царя: «На первую ночь пошел караулить в сад Димитрий-царевич...» [1, с. 300], «На другую ночь пошел в сад караулить жар-птицу Василий-царевич» [1, с. 301], «На третью ночь пошел в сад караулить Иван-царевич» [1, с. 302], «Иван-царевич взял у родителя своего благословение, выбрал себе коня, и поехал в путь, и ехал, сам не зная, куда едет» [1, с. 303].

2. Герой подвергается нападению, испытаниям, что является подготовкой к появлению (или получению) или помощника, или волшебного средства: царевича с матерью хотят бросить в море, но они выживают: «Когда пришло время, царица родила сына. Мальчик был с сияющими золотыми волосами. Сёстры царицы пришли в ярость. Они приказали конюшему, который их побаивался, положить в колыбель щенка вместо младенца. А ребёнка бросить в море» [2, с. 487]. Не менее суровое испытание ждёт героя русской сказки «О царе Салтане...»:

Царь велит своим боярам,
Времени не тратя даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод».

...И царицу в тот же час

В бочку с сыном посадили,

Засмолили, покатали

И пустили в Окиян -

Так велел-де царь Салтан [6, с. 314-315].

3. Герой отвечает реакцией на действия того, кто будет его одаривать: златокудрый царевич уносит добычу царя, своего отца. Благодаря этой ситуации отец узнает о существовании своего сына: «Царь подстрелил оленя метким выстрелом. Не успел он спешиться, чтобы подойти к добыче, как вдруг перед ним возник молодой человек, который схватил оленя, взвалил его себе на плечи и был таков. - А ну-ка пусти стрелу ему вдогонку, - в гневе крикнул царь своему другу. Конюший специально выстрелил поперёк головы юноши, который благополучно спрятался в пещере» [2, с.

489]. А царь Гвидон в сказке «О царе Салтане...» помогает прекрасной царевне лебедь, которая впоследствии неоднократно одаривает героя.

Смотрит – видит дело лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет...
Тот уж когти распустил,
Клёв кровавый наострил...
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела –
Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил;
...Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом... [6, с. 316]

4. Волшебный помощник помогает герою в его испытаниях: «Как только тот вышел за ворота Птичьего Города, к нему подошла лиса. – Разве я не говорила тебе о том, чтобы ты брал только свою Птицу? Что же ты прыгаешь со сковороды прямо в огонь? Давай, иди за мной» [2, с. 492]. А в русской сказке Ивану-царевичу помогает волк: «Садись на меня, на серого волка, и скажи, куда тебя везти и зачем?» [1, с. 303].

5. Герой различными способами доставляется туда, где будут происходить поиски: остается на ночлег на том же месте, где были его братья Бедрос и Богос. Иван-царевич идёт караулить Жар-птицу ночью в том же саду, где стерегли её братья Дмитрий и Василий.

6. Запрет и его нарушение. В каждой сказке описываются относительно благополучные ситуации, когда герой преодолевает на своем пути различные трудности, и в каждой же сказке есть нарушение героем запрета: «Только смотри, будь осторожен. Бери только свою Птицу, а к другим даже не прикасайся» [2, с. 491], «Возьми только коня. Седло не трогай...» [там же, с. 492]. Но в обоих случаях герой поддается искушению, не выполняет указаний лисы и попадает в ещё более сложные ситуации. Лишь раз он не нарушает запрета, когда они отправляются за красавицей гури-пери (девушка чудесной, невиданной красоты, обладающая волшебной внешностью. Аналогом может служить Елена Прекрасная в русской народной сказке), на гору Арагац, лиса говорит: «Когда ты встретишь там гури-пери, то не приветствуй ее. Не разговаривай с ней и вообще, – ни одного слова не должно слететь с твоих уст» [там же, с. 493]. Когда девушка задаёт ему вопрос, он смиренно молчит: «Царевич не ответил. Он состриг у ней локон и бросился бежать прочь» [там же, с.493]. В русской волшебной сказке запреты звучат из уст волка: «Ты жар-птицу возьми, а золотую клетку не трогай; ежели клетку возьмешь, то тебе оттуда не уйти будет: тебя тотчас поймают!» [1, с. 303], «Только тут на стене висит золотая узда, ты ее не бери, а то худо тебе будет» [там же, с.304].

7. Обман (и пособничество в обмане). Сестры царевны, увидев красивого и здорового новорожденного мальчика, приказали конюшему положить в колыбель щенка вместо младенца, а ребенка бросить в море. Конюшему заплатили за выполнение услуги, также заплатили повитухе, принимавшей

роды: «За выполнение этой услуги они заплатили конюшему пять сотен серебряных монет. Повитухе, принимавшей роды, тоже дали пять сотен серебряных монет, – чтобы хранила молчание. Конюший же, вместо того, чтобы утопить ребёнка, спрятал его в конюшне, в яслях. А в полночь, оседлав коня, отвёз младенца в горы, где решил укрыть его в пещере» [2, с.488]. В сказке «О царе Салтане...» царевну и её младенцу тоже пытаются загубить сёстры:

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:
«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку» [6, с. 314].

Эти функции следует рассматривать как подготовительную часть сказки, а со следующей начинается завязка.

8. Вредительство или недостача. Здесь речь идет о совершенно самостоятельной функции в сказке, которую можно обозначить словом «неприятность», «беда». Без беды не будет сказки, жизнь ее прекратится. Не важно, какое происшествие произойдет. Главное то, что будет некое «плохо», а затем придет герой, который начнет помогать, ликвидировать беду. Перед нами архетип «беды, без которой ничего не произойдет». В этом и есть смысл жизни – в

преодолении трудностей, препятствий, неприятностей. Они являются неким двигателем, катализатором, который делает нашу жизнь интересной, разнообразной. Ведь радости не были бы радостями, если бы они были постоянны.

В. Пропп в работе «Морфология волшебной сказки» отмечал: «Герой волшебной сказки – это персонаж, или непосредственно пострадавший от действия вредителя в завязке (ощущающей некоторую нехватку), или согласившийся ликвидировать беду или недостачу другого лица. В ходе действия герой – это лицо, которое снабжается волшебным средством (волшебным помощником) и пользуется или обслуживается им» [47, с. 42].

В «Сказке о златокудром царевиче» довольно много фрагментов, которые можно охарактеризовать «вредительством» или «недостачей» (например, отсутствие братьев). Вредителями или героями-антагонистами выступают ещё и сёстры царевны, которые пытаются убить мать и младенца. Настоящая беда связана с появлением дракона и его условий: «Смутно было на душе у златокудрого царевича. Он предупредил отца, чтобы тот не разбивал лагерь и не останавливался на ночлег в окрестностях Запретного ручья, который пересекал их путь. Царь пообещал выполнить этот наказ. Но на обратном пути в столицу, после того, как забрали невест, многие участники свадьбы были пьяны от вина и не смотря на приказ царя всё-таки расположились на ночлег около Запретного ручья. Проснувшись на рассвете, царь увидел, что весь его лагерь окружён вишапом, – огромным драконом.

Люди обнажили мечи и сабли и стали ждать приказ царя к атаке. А дракон вдруг сказал человеческим голосом:

- Успокойтесь, люди. Вы не напугаете меня своими мечами и саблями. Они бесполезны в битве со мной.

- Царь склонил свою голову и сказал: - Мой дорогой дракон, отпусти нас, пожалуйста, с миром. Я обещаю выполнить любую твою просьбу.

- Пришли мне сюда своего златокудрого сына, - ответил ему дракон» [2, с. 493].

Такое же «вредительство» мы можем наблюдать в русской сказке «Об Иване-царевиче, Жар-птице и сером волке», когда старшие братья хотят убить младшего из-за зависти: «Увидя на траве коня златогривого и жар-птицу в золотой клетке, весьма на них прельстились и вздумали брата своего Ивана-царевича убить до смерти» [1, с. 307]. Они забирают всё, и даже Елену Прекрасную. В данном случае братья являются «ложными героями», так как приходят домой и пытаются выдать чужие заслуги за свои собственные, обманывают, что они добытчики, а один из братьев собирается жениться на королевне Елене. В «Сказке о царе Салтане...» вредителями, героями-антагонистами выступают опять же сёстры царевны, подменившие письма и желающие убить царевну с сыном.

9. Узнавание героя о беде. В реализации этой функции в сказке неважно то, каким образом дошло до героя послание. Главное - зачем оно нужно? Цель его - обеспечить отправку героя в дорогу. Златокудрий царевич отправляется на поиски своих братьев, которые искали Птицу Правды и не

возвращались долгое время, а Иван-царевич отправляется на поиски Жар-птицы вместе со своими старшими братьями.

10. Новая отлучка. Герой покидает дом: «Златокудрый царевич, тем временем, стал настаивать на том, чтобы отец отпустил его на поиски братьев...Я должен найти братьев...» [2, с. 491]. В данном случае нет конкретного героя, играющего роль отправителя. Царевич сам изъявляет желание отправиться на поиски братьев. Иван-царевич отправляется на поиски второй раз, но уже за своей невестой – Еленой Прекрасной: «Иван-царевич сел на серого волка, волк побежал с ним в государство царя Выслава Андроновича и долго ли, коротко ли, прибежал к городу» [1, с.305].

11. Положительный герой соглашается (или решается) на противодействие. Герой-искатель, то есть тот, кто будет искать и «добывать», получает задание, просьбу или приказ. Но в данном случае, мы говорим о «пострадавшем» герое, как отмечал В.Я. Пропп. Златокудрый царевич был похищен и обречен на смерть. Однако все равно с ним случается то же, что и с героем-искателем: он отправляется из дома, и ему придется пройти весь путь до конца. Герой русской сказки – князь Гвидон – тоже был обречён на гибель со своей мамой (их поместили в бочку и бросили в море), но он преодолевает различные препятствия, встречается с отцом и благодаря ему правда восторжествует.

Эти функции: вредительство, извещение героя, согласие героя и его отправка составляют завязку сказки. Далее развивается непосредственно действие сказки.

12. Испытание: герой испытывается, чтобы получить волшебное средство (волшебное существо). Для выполнения

задания, добывания желаемого или избавления от беды герою обязательно нужно что-то особенное, что поможет ему в этом. Для получения этого «особенного» нужно приложить специальные усилия и выполнить определенные условия. В армянской сказке: взять только свою Птицу Правды из множества других красивых птиц, взять только вороного коня, а седло не трогать, состричь лишь локон у гури-пери, но не разговаривать с ней и быстро убежать, отправиться к дракону, чтобы спасти другие жизни, привезти для дракона дочь царя Чин-ма-Чина. В русской сказке: взять только жар-птицу, а клетку не трогать, взять златогривого коня без узды, идти по заданному маршруту. Испытания могут быть самыми разными, суть одна: в результате правильного поведения герою в руки попадает волшебное средство, без которого ему задания не выполнить.

Существо, от которого получают волшебное средство, называется «дарителем». В «Сказке о златокудром царевиче» дарителем выступают ховты. Царевич забирает у них шапку-невидимку, скатерть-самобранку. Далее от чудовищ он получил клочок шерсти, от муравьев – маленький коготок, от птиц – перо. Эти волшебные вещи он должен был бросить в огонь, и тогда к нему пришла бы помощь. В русской сказке «О царе Салтане...» лебедь дарит герою целый город, превращает его в комара, чтобы он мог перелететь через море к отцу и узнать правду, показывает ему белку, которая поёт, «да орешки все грызёт», а также открывает перед ним другое чудо – тридцать три богатыря, очутившиеся из моря. Существо-даритель – архетип, распространенный и любимый в сказке. Роль дарителя в армянской сказке выполняет и

лиса, которая помогает царевичу осуществить самое главное – превратить братьев из камней в людей. В сказке предполагается, что помощь будет бескорыстной и добровольной, хотя иногда это бывает и не так.

13. Реакция героя на действия дарителя. Реакция бывает положительной или отрицательной, герой или выдерживает испытание или нет. Герой, отреагировавший на действия дарителя отрицательно, не проходит дальнейшие испытания. Он либо убит, либо околдован, либо возвращается домой с пустыми руками. Герой, правильно прошедший испытание, получает волшебное средство. В «Сказке о златокудром царевиче», в сказке «О царе Салтане...» и «Сказке об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке» герои реагируют положительно, поэтому у них получается выполнить задания и в конечном счёте они побеждают.

14. Герой получает волшебное средство. Волшебными средствами могут служить животные (например, птица); предметы (например, скатерть-самобранка, шапка-невидимка); предметы, имеющие волшебные свойства (например, клочок шерсти, коготок, перо). Например, о волшебных средствах царевичу сообщают ховты: «Если наденешь на голову эту шапку, то станешь невидимым. Сможешь пройти мимо ста тысяч человек, и никто тебя не увидит. А ключом этим можно открыть и закрыть любую дверь, – какие бы замки и засовы там не были» [2, с. 494]. А Иван-царевич получает в качестве волшебного средства живую воду: «Серый волк взял пузырьки, разорвал вороненка надвое, sprыснул его мертвою водою – и тот вороненок сrossя, sprыснул живую водою – вороненок встрепенулся и

полетел. Потом серый волк sprыснул Ивана-царевича мертвою водою – его тело срослося, sprыснул живую водою – Иван-царевич встал и промолвил...» [2, с. 307].

Если волшебное средство – предмет или качество, герой будет применять его, а если это живое существо – это волшебный помощник (в «Сказке о златокудром царевиче» это лиса, в «Сказке об Иване-царевиче...» – волк). Царевичи слушаются их приказов, а лиса и волк, в свою очередь, оказывает ему всяческую помощь. Это не значит, что герои не способны на мужественные и храбрые поступки, что их действия второстепенны и малозначимы. Реальность сказки такова, что без героя, формулирующего намерение и ситуацию, никакая волшебная сила не сможет «работать». В одиночку волшебный помощник не может украсть коня, спасти красавицу царевну, добыть чудесную птицу. Волшебное же средство само по себе совершенно бесполезно, пока кто-то не воспользуется им.

Обратим внимание, что и здесь повторяется архетип «запрет-нарушение»: волшебный помощник частенько предостерегает героя не делать то или другое, и эти запреты герой исправно нарушает.

15. Бой с антагонистом. Это самая высшая точка сюжета, пик, кульминация сказки. Бой героя с врагом может происходить как в виде реального поединка, драки, так и в виде интеллектуальных задач, поставленных перед ним. Царевич благодаря своей ловкости и, конечно же, волшебным предметам и помощникам, добивается руки дочери царя Чин-ма-Чина (например, он призвал на помощь в битве с черными птицами белых птиц, при помощи семи

дэвов справился с семью, изжаренными на вертеле бараньими тушами). Иван-царевич же добывает златогривого коня, жар-птицу в золотой клетке и невесту невиданной красоты, Елену Прекрасную.

16. Возвращение героя. Если по сюжету для героя предусмотрено возвращение домой, он может сделать это тем же путем, что и прибытие, а может – другим. В «Сказке о златокудром царевиче» возвращение героя описывается так: «Брат царевны надел драконью кожу и обернулся драконом. Он посадил себе на спину молодых и перенёс их на другую сторону моря. – Прощайте же, друзья мои, – начал прощаться брат царевны. / – Постой, погоди. А ты что же, так и будешь драконом? Теперь ведь всё изменилось. Может быть, ты начнёшь новую жизнь? – спросил его златокудрый царевич.

– Вообще-то мне приглянулась одна девушка, ответил ему брат царевны. / – Я увидел её в тот день, когда окружил у Запретного ручья войско твоего отца. Это младшая дочь купца. Я вот подумал, что если бы я ей понравился, то я...

– Вот и отлично, – обрадовался царевич. / – Идём вместе с нами. Все втроём они благополучно добрались до столицы царства» [2, с. 495]. В «Сказке об Иване-царевиче, Жар-птице и сером волке» возвращение описывает следующим образом: «Иван-царевич слез с серого волка, пошел в город и, пришедши во дворец, застал, что брат его Василий-царевич женится на прекрасной королевне Елене: воротился с нею от венца и сидит за столом.

Иван-царевич вошел в палаты, и как скоро Елена Прекрасная увидела его, тотчас выскочила из-за стола, начала целовать его в уста сахарные и закричала:

- Вот мой любезный жених, Иван-царевич, а не тот злодей, который за столом сидит!» [1, с. 309].

17. Свадьба, воцарение, долгая и счастливая жизнь. В армянской сказке: «Пир длился семь дней и семь ночей. Все, кто хотел, мог прийти на него и поздравить молодых. Их мечты сбылись, так пусть же сбудутся и ваши» [2, с. 495]. В русской сказке: «Царь Выслав весьма осердился на Димитрия и Василья-царевичей и посадил их в темницу; а Иван-царевич женился на прекрасной королевне Елене и начал с нею жить дружно, любовно, так что один без другого ниже единой минуты пробыть не могли» [1, с. 309]. Этим сказки завершаются.

Главные герои анализируемых сказок - типичные сказочные герои, мужественные, бесстрашные, верные и красивые. Они - средоточие, обобщение всех положительных качеств, но при этом главная отличительная черта его внешности в армянской сказке - золотые кудри. Отличительная черта внешности в русской сказке «О царе Салтане...» - богатырское телосложение, богатырская сила. Про внешность и силу героя в «Сказке об Иване-царевиче...» ничего не говорится. Помимо этого есть ещё одна отличительная черта: Златокудрый царевич выполняет все испытания сам, а Иван-царевич в большей степени полагается на волка. После нарушения запретов все основные действия выполняет всё-таки герой-помощник, а царевич лишь слушается его и следует за ним, однако это не

умоляет остальных достоинств персонажа. Он преодолевает все беды и невзгоды, завоевывает свое счастье – добывается руки царевны, царского престола, побеждает своих врагов, как и другие герои отмеченных сказок.

Проявлением идеальных качеств героя становится его следование мудрым советам старших, почитание их, выполнение долга. Обычно советы исходят от стариков и женщин, в «Сказке о златокудром царевиче» таким героем является отец златокудрого царевича, точно так же, как и в «Сказке об Иване-царевиче...», а в сказке «О царе Султানে...» мудрой оказывается мать героя и царевна-лебедь.

Сказки всегда повествуют о гуманности своих главных героев – например, в армянской сказке лиса ест жареную пшеницу, а царевич запрещает застрелить ее. Этот благородный поступок помогает ему обрести волшебного помощника и достичь цели – найти Птицу Правды, стать владельцем доброго коня, достать локон девушки – красавицы гури-пери и, наконец, освободить братьев, которые окаменели. В русской сказке волк ест коня царевича, но герой не делает в ответ ничего плохого, он идет дальше измученный и уставший от изнурительной дороги без верного друга. Увидев это, волк сожалеет о своем поступке и начинает помогать герою: они добывают Жар-птицу в золотой клетке, златогривого коня и Елену Прекрасную. В сказке «О царе Салтане...» злые сестры не наказываются, напротив, – царь прощает и отпускает их домой.

Таким образом при сопоставлении метасхем сказок были выявлены следующие типы героев и их функции: главный герой или герой-искатель, «пострадавший герой» –

Златокудрый царевич (в арм.), Иван-царевич, князь Гвидон (в рус.); герой-помощник – лиса (в арм.), волк, лебедь, 33 богатыря (в рус.); герой-даритель – ховты, чудовище, муравьи и птицы (в арм.), волк, Царевна Лебедь (в рус.); герой-вредитель или антагонист – сёстры царевны, дракон или вишап (в арм.), сёстры царевны и отчасти братья (в рус). Роль ложного героя выполняют братья в «Сказке об Иване-царевиче...», в армянской сказке роль ложного героя не присутствует, так как братья не обманывают никого, не вредят, не пытаются подставить Златокудрого царевича, они переживают за него и радуются, когда тот возвращается домой. Мы видим, что и в русской и в армянской сказке выявлены одинаковые типы героев, но соотнесённые с ними функции могут выполнять разные животные и люди.

В.Я. Пропп писал о волшебных сказках: «Это, пожалуй, наиболее прекрасный вид народной художественной прозы. Она пронизана высокими идеалами, стремлением к чему-то возвышенному» [46, с. 194]. В волшебных сказках русских и армян развиваются сходные мотивы:

1. Мотив похищения (рус.: Жар-птица похищает из сада золотые яблоки по ночам; арм.: Златокудрый царевич похищает коня и девушку)

2. Мотив поимки (рус.: Иван-царевич подкарауливает Жар-птицу и приносит ее перо; арм.: Златокудрый царевич находит своих братьев, а также добывает принцессу для дракона)

3. Мотив поиска (рус.: Царь отправляет сыновей на поиски Жар-птицы, обещает награду полцарства; арм.:

Златокудрый царевич отправляется на поиски птицы-правды и своих братьев)

4. Мотив выбора пути и приобретения чудесного помощника (рус.: Серый волк помогает Ивану-царевичу добыть Жар-птицу, коня и Елену Прекрасную; арм.: Лиса помогает Златокудрому царевичу добыть коня, двух птиц и красавицу гури-пери)

5. Мотив соперничества и смерти (рус.: Братья убивают спящего Ивана-царевича и присваивают его добычу; арм.: Сестры завидуют младшей сестре и хотят утопить и ее, и ребенка)

6. Мотив наказания (рус.: Раскрывается правда, братья наказаны, Иван-царевич вознагражден; арм.: Раскрывается правда, сестры изгнаны, златокудрый царевич вознагражден).

Сравнивая волшебные сказки двух народов, заметим: Змей, Дракон в армянской сказке называется «Вишاپ», Чудюдо, чудовище называется «дэв», а эпитет «Прекрасная» (например, Елена Прекрасная, Василиса Прекрасная) звучит в армянской сказке как «гури-пери».

1.3 Художественная специфика русской и армянской сказки: мифологические и религиозные образы и мотивы, нумерология

В сказках каждого народа можно увидеть индивидуальные черты, отображается менталитет, существуют свои образы и герои, но при этом есть некие интернациональные, универсальные сюжеты и мотивы, присущие сказкам многим другим народов. В.Я. Пропп –

фольклорист и филолог – в книге «Исторические корни волшебной сказки» описывал теорию, согласно которой структура, например, русской народной сказки удивительным образом повторяет обряды индоевропейских и других народов, он утверждал, что сказка – символ единства народов. Помимо нравственных установок в сказках существуют некие мировоззренческие модели, которые у каждого народа ранее представлялись в мифах. Таким образом, целесообразно утверждать, что в сказках содержатся архетипы и мифологемы. Например, часто встречаются архетипы горы, яйца, яблока, дерева, подземного мира и многие другие. Через сказки передаются важные гуманистические ценности, религиозные и мифологические воззрения. Ритуально-мифологический контекст в сказках рассматривал и филолог Е.М. Мелетинский, писавший об архетипах, о наличии мифологических образов и сюжетов в сказках, о том, что сказка произошла из мифа, об изначальном происхождении мифов и их схожести со сказками, которые порой даже трудно поддавались разграничению: «На трудность такого разграничения в рамках первобытного фольклора не раз указывали крупнейшие знатоки мифологии американских индейцев, например такие, как Ф.Боас и С.Томпсон. С.Томпсон считает миф в принципе разновидностью сказки. Некоторые, наоборот, склонны все первобытные сказки называть мифами. Спорадически в качестве компромисса появляется термин «мифологические сказки» [39, с. 34]. Герои волшебных сказок зачастую должны посетить отдалённый, иной мир, например, тридесятое государство,

таинственный лес. Посещение этого мира преобразовывают героя, совершенствуют его: новые знания, навыки, волшебные средства. Это, безусловно, отдалённо напоминает мифы.

Для дальнейшего сопоставительного анализа мифологических мотивов в русских и армянских сказках следует обратиться к истокам армянского народного творчества, которые уходят корнями глубоко в древность. Армянская мифология или Дицабануцюн (арм. Հայ դիցարանը) – это религиозные воззрения и культы древних армян, существовавшие еще до официального принятия христианства как государственной религии в 301 году при царе Трдате III. Мифология армянского народа относится к системе древнейших представлений предков современных индоевропейских народов. Мифы-предания до сих пор сохраняются в современной армянской культуре благодаря передаче многовековых традиций и устоев из поколения в поколение.

Пантеон армянских богов (дицов) формировался во времена зарождения протоармян. Он унаследовал и сохранял основные элементы религиозных представлений протоиндоевропейских племен, населявших Армянское нагорье. Об этом свидетельствует значительный пласт индоевропейской лексики. В образах духов, героев и богов в мифах представлены взгляды первобытных народов на взаимоотношения между людьми и на явления природы. В глубокой древности человек не отделял себя от природы, он стремился понять, объяснить мир, в котором жил. По-видимому, одним из первых способов подобного объяснения

стало перенесение человеком своих собственных свойств и ощущений на все окружающее.

Первыми в культурной истории армян появляются мифы о Хайке (Айк, Хайк – эпоним армян) родоначальнике, вожде армянских племен, который борется за освобождение своего народа от чужеземного тирана, и о легендарном Араме – защитнике границ армянской земли (от его имени Арим – Арам происходит название армянского народа). Высшую силу, Разум древние армяне называли Ар, а физическим, видимым воплощением Ара они считали Солнце – Арев. Именно ему поклонялись древние армяне, называвшие себя ареворди (арм. – чада Солнца). Солнечная символика занимала особое место в армянской религиозности и фольклоре, существуя вне времени и вне истории её развития. Ярким примером является сказка «Змеёныш Оцаманук и Аревманук, тот, на кого разгневалось солнце». Здесь повествуется о юноше, который может жить только ночью и любой дневной солнечный луч может его убить. Аревманук был очень красив, силен, самолюбив и горд. Однажды в лесу, разозлённый неудачной охотой, он видит другого ярко сияющего юношу, сына Луйс (царицы света) – Арегака (золотого солнечного луча) – и хочет убить его, так как тот своим солнечным лучом может спалить весь свет. Тогда Арегак говорит ему: «Так тебе не даёт покоя солнечный луч? Что ж, раз так, то знай: ночь, что наступит сегодня, будет для тебя вечной. Ты сможешь жить только ночью. И горе тебе, если упадёт на тебя луч солнца, – ты тут же погибнешь. Так что не теряй время и строй себе убежище... Арекаг, сверкнул огнём и исчез» [5, с. 407]. После

этого мать Аревманука надевает железные сапоги, берёт железный посох и идёт к царице света вымаливать прощение. Луйс прощает солнечного юношу и велит его матери зачерпнуть воду из бассейна, где купался Арегак и этой водой умыть Аревманука, своего сына, чтобы тот ожил (мог находиться при дневном свете). Этот сюжет имеет мифологическое происхождение. Мотив проклятия солнца бытует в армянском фольклоре и в виде предания. В древности официальная религия армян включала культ солнца и луны. Согласно мифам, дворец Арева (солнца) находится на востоке, на краю света и только вечером воспламенённый и усталый Арев возвращается к матери. С.А. Гуллакян пишет по этому поводу так: «Демифологизированное солнце, подобно вишапу (дракону) является в сказке таким же персонажем, что и царь, дервиш или купец. И то и другое равноценно художественному вымыслу, действующему по законам художественного повествования» [30, с. 130].

Необходимо отметить, что данная сказка - пример контаминации двух сюжетов об Одзамануке (змеёныше) и Аревмануке (солнечном юноше), как было уже написано выше в пункте 1.1. Встречаются также сюжеты, где повествуется о юноше который днем лежит ни живой ни мертвый, так как его родители не выполнили своего обета, данного Богу, но мотива проклятия солнца и посещение матерью царицы света уже нет. Главным мифическим героем армянских сказок является змей, который в сказке представлен в образе Одзаманука, но она вовсе не носительница зла. Она - символ мощи, силы и

таинственности. В данной сказке герой (наполовину человек, наполовину змей) не вызывает страха, он становится обычным человеком с добрыми намерениями, когда девушка срезает с него змеиную кожу. Мы видим, что появляются новые мотивы, возникают другие сюжетные сочетания, происходит демифологизация персонажей древнего мифа. Стоит отметить, что в армянском языке до сих пор сохранилось слово «майрамут», которое буквально означает «вход к матери».

Ещё одна сказка, которая произошла из мифа, – это сказка «Арев и Краг» («Солнце и Огонь»). В ней даётся объяснение тому, откуда и каким образом появилось солнце и огонь: «Когда земля породила людей, в мире властвовали тьма и холод. Арев и Краг только-только учились ходить. Жили они с племенем в одной из пещер тогда ещё молодого Арарата» [5, с. 26]. Затем среди людей появляется вождь, который делит добываемую еду между всеми, а маленькие Арев и Краг взрослеют и начинают охотиться. Краг убивает тигра, а Арев после этого случая становится другой: «Арев светилась...Это горит моё сердце. Сияет душа. Арев говорила, а горячие слёзы – слёзы любви, радости и боли, первые слёзы на земле – струились из её глаз. Они превращались в яркие звёзды и возносились на чёрное небо. А одна из них упала на грудь Крага. Он почувствовал жгучую боль в груди. Но почему-то от неё было сладко ему. Он тоже всё смотрел и смотрел на Арев...Девушка шла впереди, освещая тропинку. От её сияния озарялся лес. Они вошли в пещеру и озарили тёплым светом все её тёмные холодные углы» [5, с. 29]. Однако злым людям пещеры не понравился свет, который

издавали молодые люди, так как стали видны их изъяны и внешнее безобразие. Тогда вождь принимает решение: Забросили на небо Арев. А Крага, заковав, переносили из пещеры в пещеру. Каждое утро встаёт Арев и до самого вечера разыскивает Крага» [там же, с. 31]. Сказка завершается всё же на счастливой ноте, повествующей о любви, о вере, о верности, о бессмертии души человеческой: «Прошли тысячелетия. А она не теряет надежд встретить любимого. До сих пор горит её сердце, светится душа. Такая судьба и у Крага – даже в страдании своём согревать людей. И пока Арев и Краг любят друг друга – они бессмертны, как бессмертны и люди, подобные им» [там же, с. 31]. Эта история, конечно, основана на мифе о сотворении солнца, бытующем у всех народов. Одни рассматривают это светило как сделанное и помещенное на небо неким изначальным племенем или богом Света. В других легендах Солнце было освобождено из пещеры богатырем или возникло в результате самопожертвования бога или героя. Эти предания произошли из изначальной веры в то, что Солнце и Луна были одушевленными существами, а люди раньше жили во мраке или сумеречной темноте. Потребность в свете и тепле привела людей к мысли, что их кто-то должен был сотворить.

Подобные мифологические мотивы солнечной тематики присутствуют и в русских волшебных сказках, например, в сказке «Солнце, Месяц и Ворон Воронович». Здесь Солнце тоже представляется как живой организм, действующее лицо мужского рода, за которого старик выдаёт замуж свою старшую дочь. В сказке «Мороз, Солнце и Ветер» все три персонажа опять предстают живыми героями, им кланяется

старик, как божествам. Все трое спорят о своём могуществе и силе, а Солнце, как обычно, представлено в мужском роде. Данный сюжет тоже отдалённо напоминает мифы о войне богов, об их борьбе за первенство. Так же, как и в армянских, в русских народных сказках встречаются персонажи, связанными узами кровного родства с Солнцем – Солнышкина Мать («Как Господь ходил по земле [Марко Богатый]»), Солнцева Сестра («Ведьма и Солнцева сестра») – и обе они, конечно же, мудрые героини, способные на волшебство, как и царица света Луйс.

Верховным лицом армянского пантеона можно назвать Ванатура (Верховный бог армянского языческого пантеона, Ванатур, аналог Зевса, считался богом гостеприимства и щедрых хозяев, владыкой урожая), которого позже заменил Арамазд. Аналогичным образом исконно армянскую дицуи плодородия и материнства Нар заменила Анаит. Следовательно, постепенно мифологические герои приобретают именно отличительные армянские черты. Впервые эти предания нашли отражение в знаменитой «Истории Армении» крупнейшего армянского историографа Мовсеса Хоренаци (V в). В этом труде звучат отголоски древнейших мифов об Ара Прекрасном (Ара Гехецик) и Шамирам – умирающих и воскресающих богах, которые символизировали умирание и пробуждение природы. В эллинистическую эпоху (III-I вв. до н. э.) аналогами античных богов были древнеармянские дицы: Арамазд – Зевс, Анаит – Артемида, Ваагн – Геракл, Астхик – Афродита, Нанэ – Афина, Михр – Гефест, Тир – Аполлон или Гермес.

Есть в русской сказке нечто особенное, отсутствующее в армянских народных сказках – избушка на курьих ножках. Если Баба Яга напоминает злую волшебницу из армянских сказок, то аналога избушки, конечно же, нет в армянских текстах. Вообще над происхождением этого образа до сих пор ведутся споры. В.Я. Пропп считал, что птичьи ноги – это столбы, на которые ставили избу. Такое здание могли выстраивать в лесу для специального обряда посвящения, другие считают, что такие столбы ставились просто потому, что местность была очень болотистая, именно поэтому изба как бы стоит на курьих ножках. Всем известны слова героев, прибывших к такой избе в русских сказках: «Избушка, избушка, повернись к лесу задом, а ко мне передом» или «Избушка, избушка, повернись ко мне лицом». Это своеобразное место перехода из земного мира в потусторонний мир; поворачиваясь, избушка открывает свою дверь то в мир живых, то в мир мёртвых. Изба является препятствием для героя, но в то же время и единственным входом в «иной» мир. Без неё сложно представить какой-либо волшебный сюжет в русском репертуаре, но пришёл он из восточнославянской мифологии, где она тоже была сторожевой башней в царство мёртвых: «Яга Виевна, супруга Велеса – старая, горбатая, злющая, хромя бабка. Живет она в своей избушке на курьих ножках и питается душами человеческими, которые ей Морена (богиня зимы и смерти) приносит. Но к людям редко выходит Яга – могут и одолеть ее богатыри русские! Вот и колдуют издалека понемногу Яга с Мореной, на людей злость свою выплескивая» [4, с. 63].

Сказка, как уже говорилось выше, один из самых древних фольклорных жанров, сложившийся в незапамятные, языческие времена. В летописях и других памятниках древней письменности встречаются словесные формулы, близкие к сказочным. В Псковской летописи XIII в., например, можно прочесть: «Кто стар – тот буди отец, а кто молод – тот брат», аналогичное сказочному: «Если стар – будь нам отцом, если молод – братом». Сказочники – характерные фигуры старого русского быта. Иван Грозный слушал сказки слепых старцев, сказочники были при дворе Василия Шуйского, Михаила и Алексея Романовых. И хотя сказки преследовались церковью, а вслед за ней и властями, расценивались как ересь и погубление души, они жили и пользовались всегда большой популярностью.

Сказки не могли не измениться с принятием христианства. Язычество долгое время открыто сопротивлялось христианизации, но, спустя время, языческое и христианское начали сливаться в единое мировоззрение. Особенно явно это прослеживается в том, как отмечались (и отмечаются сейчас) праздники годового календаря: Святки, Масленица, Пасха, Троица. Например, языческое ряжение сопровождало святочные вечера и масленичные гулянья, ряженые обходили дворы накануне Петрова поста и в конце русальной недели (после Троицы), женщины и девушки на «Казанску» (праздник Покрова пресвятой Богородицы, 14 октября) надевали святочные маски и разыгрывали представления свадеб.

Христианству близка идея торжества добра над злом, которая является главной в сказке. В определенный период

развития сказочной прозы фольклорные образы и черты стали соединяться с христианскими, особенно с христианской моралью.

Интересен вопрос, касающийся нумерологии в волшебной сказке. Важнейшее число, присутствующее в народной сказке – число 3. В качестве главных персонажей выступают три сына, три царевны, три сестры, трёхглавое чудовище. Герой проходит три испытания, нарушает три раза запрет, три дня и три ночи ищет свою возлюбленную, странствует три года. Например, в русской сказке «Сивка-бурка» три ночи братья охраняли пшеницу. В народной волшебной «Сказке о силе-царевиче и об Ивашке белой рубашке» читаем: «Вдруг поднялся вихрь – прилетел шестиглавый змей и хочет пожрать Силу-царевича, а Ивашка белая рубашка взял острый меч и начал с тем змеем сражаться. Бились они ровно три часа; Ивашка срубил у змея две головы – и змей улетел прочь. Поутру послал король проведать зятя, и когда принесли весть, что он жив и здоров, – король весьма возрадовался: это еще первый избавился от неминуемой смерти. И целый тот день король с зятем веселились, пили-ели, прохлаждались. На другую ночь случилось то же; Ивашка белая рубашка срубил змею еще две головы. На третью ночь опять царевич бил королевну, а Ивашка сражался с лютым змеем; срубил ему две последние головы и сжег змеиное туловище вместе с головами, а пепел развеял по чистому полю» [3, с. 254].

В армянских сказках цифра 3 встречается тоже очень часто. Главными героинями в сказке «Смерть Кикоса» являются три сестры. В сказке «Охотник врунишка», идя на

охоту, герои видят три озера: два иссохших, в третьем ни капли воды. В безводном озере плавают три утки, две дохлые, одна неживая; потом видят три села: «двух не разглядеть, в третьем ни единого дома» [9, с. 76]. В третьем селе всё-таки отыскали один дом, в котором три старухи – две мёртвые, одна не дышит. Старуха, которая не дышит, отыскала три котла: два дырявых, а у третьего котла дно выжжено дотла» [9, с. 79]. В сказке «Говорящая рыба» чудовище отдаёт старику корову на три года. Часто армянские сказки заканчиваются словами: «С неба упало три яблока, одно тому, кто сказку рассказывал, другое тому, кто её слушал, а третье тому, кто её понял» [9, с. 83].

Цифра семь часто встречается уже в самих названиях: «Волк и семеро козлят», «Семь Симеонов», «Иван крестьянский сын и мужичок сам перст, усы на семь верст», «Мудрая девица и семь разбойников» и многие другие. Цифра 7, как и цифра 3, в сказках имеет магическое значение, как, например, в сказке «Иван крестьянский сын и мужичок сам перст, усы на семь верст»: «Тут попадается ему навстречу мужичок сам с пёрст, усы на семь верст и говорит ему: «Отдай мне коня; а коли не отдашь честью, то насилкой возьму!» Отвечает Иван: «Отойди от меня, проклятый гад, покудова тебя конем не раздавил!» Мужичок сам с пёрст, усы на семь верст сшиб его наземь, сел на коня и уехал. Входит Иван в избенку и сильно о коне тужит. В той избенке лежит на печи безногий-безрукий и говорит Ивану: «Послушай, добрый мóлодец – не знаю, как тебя по имени назвать; зачем ты связывался с ним бороться? Я не этакий был богатырь, как ты; да и то он у меня и руки и ноги отъел!» – «За что?» – «А за

то, что я у него на столе хлеб поел!» Иван начал спрашивать, как бы назад коня достать? Говорит ему безногий-безрукий: «Ступай на такую-то реку, сними перевоз, три года перевозки, ни с кого денег не бери; разве тогда достанешь!» [3, с. 234-235]

В армянских сказках цифра 7 также используется. Например, свадьбу, как правило, играют семь дней и семь ночей. Магию цифр объяснить очень сложно: для этого нужно знать прежде всего время возникновения произведения, что в случае с фольклорными произведениями довольно трудно. Вероятно, в некоторых сказках цифра 7 символизирует полноту и совершенство – согласно христианской символике (Господь творит наш мир в течение семи дней, а полнота Божественной благодати изображается с помощью семи даров Святого Духа).

«С приходом христианства появляется новый этикет общения с Божеством, привычка призывать Божье благословение, по-иному обращаться за помощью. Непрестанная и на всяком месте молитва – неизвестна языческому сознанию» [61], – отмечает И. Шахматова в статье «Христианские мотивы в фольклоре как результат духовного просвещения». Молитва была неизвестна язычнику. Сказочный герой, отправляясь в путь, спрашивает благословения у родителей. Старшим сыновьям следует ответ: «Божье да наше благословенье!». Третьего сына обычно не отпускают – слишком молод, он упорствует: «А дайте поеду и не дайте поеду!» [3, с. 251]

Важность родительского благословения подчеркивается тогда, когда герой намерен жениться. Герой утверждает, что

не может взять царь-девицу замуж без родительского благословения. Она упрекает: «Как же ты прижил мне двух сыновей, а зачем от меня наугон гонишь? – Я тебе хоть и прижил, да без отца-матери благословенья не могу замуж взять. Отец и мать благословили. Обвенчались, стали жить поживать» [3, с. 256], – таков финал сказки.

Старшие (родители, крестные, духовники) благословляют младших именем Божьим – особенно тогда, когда это жизненно важно. Может благословить волшебный помощник – добрая сила по отношению к герою. Так Волк-самоглот, шурин героя, благословляет: «Ступай домой с Богом, и я за тобой пойду» [3, с. 119]. Даже Баба-Яга, выступая советчицей, может сказать: «Поезжай с Богом!..» [3, с. 128].

Согласно вере православной, человек, входящий в дом, должен перекреститься на иконы, а затем поздороваться. Герой даже перед царем может сначала помолиться, а потом кланяться царю: «Иван вошёл в царские покои, помолился на святые иконы, поклонился царю и вымолвил...» Или: «помолитовал у избушки, царска дочи "аминь" отдала...» [3, с. 78]. Верный помощник – конь – может советовать герою: «Молись Богу да ложись спать. Утро вечера мудренее» [3, с. 197].

Христианство изменило человеческую природу, и это отразилось в сказке. Оказавшись в «мужском доме», героиня обращается к охотникам: «Православные христиане, здесь не зверь, а красная девица» [61]. Героиня обращается не к религиозному сознанию охотников, а к их милосердию, доброте.

Понятия доли, «талана», счастья, горя-нужды, лиха – центральные для языческого сознания. А в христианском понимании судьба – дело Божье, поэтому слушание голосов у колодца (чужого дома, бани) заменяется непосредственным участием нового волшебного помощника – Ангела, который наделяет третьего брата необыкновенными способностями: оборачиваться оленем, рысью, соколом. Ангел выступает в роли дарителя, и магическое умение становится благим, так как в нем – Божья воля. От Ангела герой получает и мудрую жену, что в конечном счете также оправдывает ее хитрые умения.

Христианизация особенно характерна для литературных сказок, которые создавались на основе фольклорных. Наиболее полное определение литературной сказке даёт Л.Ю. Брауде: «Литературная сказка – авторское художественное прозаическое произведение, основанное либо на фольклорных источниках, либо придуманное самим писателем, но в любом случае подчиненное его воле; произведение, преимущественно фантастическое, рисующее чудесные приключения вымышленных или традиционных сказочных героев и в некоторых случаях ориентированное на детей; произведение, в котором волшебство, чудо играет роль сюжетообразующего фактора, помогает охарактеризовать персонажей» [21, с. 229].

В связи с этим принято выделять следующие основные черты жанра литературной сказки: использование типичных для народной сказки образов, особенностей поэтики и языка; свободное сочетание элементов действительности и вымысла; наличие гротескного мира; наличие игрового начала в той

или иной мере; по-разному осуществляемое стремление к психологизации образов; явно выраженная позиция автора, рассказчика; сохранение – как и в народной сказке – социальной оценки изображаемого. Литературная сказка, как правило, строится на народной и подчиняется единым жанровым законам сказки.

Сопоставительный анализ фольклорной и литературной сказок выявляет сходные сюжеты, традиционные образы персонажей, типичные лингвостилистические элементы. С одной стороны, народная сказка обогащает литературную сюжетами, мотивами, с другой – богатейшие выразительные средства литературы вливаются в народно-сказочные тексты. Литературная сказка использует ту же нумерологию. В сказке А.С. Пушкина «О царе Салтане...», основанной на народной сказке «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре», говорится: «три девицы под окном» [7, с. 122]; «Не тужи, что за меня/Есть не будешь ты три дня» [там же, с. 126]; «Царь от радости такой отпустил всех трёх домой» [там же, с. 128]. В «Сказке о рыбаке и рыбке» автор пишет: «В третий раз закинул он невод» [там же, с. 115]. Возможно, данная цифра символизирует три Ипостаси в Пресвятой Троице, а также пророчество Иисуса Христа, описанное в Евангелие: «Как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» [61].

В той же сказке А.С. Пушкин использует цифру тридцать три. Старик со старухой живут у синего моря тридцать лет и три года. Это ассоциируется с земной жизнью Иисуса Христа и тех искушениях и испытаниях, что ему предстояло пройти.

Царь Салтан в литературной сказке ведёт себя как истинный христианин. Когда царица рождает не то сына, не то дочь, а «неведому зверушку», царь всё равно приказывает: «Ждать царева возвращенья / Для законного решенья» [7, с. 124].

Совсем по-другому обстоят дела в народной сказке. Царь приказывает засмолить в бочке жену и сына, потому что родился не обещанный чудесный ребёнок, а обычный. Мы видим, что для А.С. Пушкина важна христианская заповедь: возлюби ближнего твоего как самого себя. В сказке также упоминается один из смертных грехов – зависть сестёр, обделённых любовью царя. Герой литературной сказки прощает их. Автор таким образом призывает к смирению, терпению, прощению, покаянию и доброте.

В народной сказке «по божьему благословенью» происходит спасение матери и сына, а также прозрение царицы. Подобного рода исцеление есть и в армянской сказке «Безрукая девушка». По вине своей злой невестки героине отрубают руки, но ангел в виде старца исцеляет руки девушки. Это говорит о том, что правда и справедливость рано или поздно восторжествуют, ведь Бог всегда на стороне людей.

Фольклоризм также является одной из главных черт творчества армянского писателя О.Т. Туманяна. В основе баллад, легенд и сказок: «Капля мёда», «Храбрый Назар», «Пёс и кот», «Кукушка», «Хозяин и работник», «Ахтамар» – лежат народные предания. Он стремится сохранить типологические особенности фольклорной сказки, черты самобытного народного творчества, приближенность к исходному варианту сказочного текста. Об этом говорил и

сам писатель: «Как в отношении материала, так и в отношении языка я считаю себя совершенно свободным и беру отовсюду» [10, с. 41].

В частности, Туманян сохранил диалект Лорийской местности в Армении. Писатель ценил в сказочном повествовании свободу, естественность, простоту. «Того, кто написал «Каплю мёда», «Пёс и кот», «Смерть мышонка», и в самом деле нельзя не причислять к плеяде первоклассных мастеров мирового искусства» – писал К.И. Чуковский о О.Т. Туманяне [59]. И это в самом деле так – он не только национальный, но и общемировой писатель. Художественное наследие Туманяна переведено на 37 языков мира. На русский язык его произведения переводили Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, Самуил Маршак, Белла Ахмадулина, Иосиф Бродский, Константин Симонов. Писатель был известным общественным деятелем, интересовался мировой литературой, переводил на армянский Гёте, Гейне, Пушкина, Лермонтова, Шекспира, Байрона и других авторов, знал несколько языков. Занимаясь общественной деятельностью, он обращал внимание на жизнь бедняков, на их тяжёлый труд и нелёгкую судьбу. Несмотря на различия, литературная сказка развивает традиции народной сказки, сохраняет композиционные особенности фольклорного произведения, подчиняется единым жанровым законам сказки. Фантастические явления в литературной сказке не воспринимаются как нечто ирреальное, они «растворяются» в произведении, являясь ее естественной характерологической чертой – как и народной.

Христианские нравоучения присутствуют почти во всех армянских и русских сказках. Например, в сказке «О царе Салтане...» старику посчастливилось поймать золотую рыбку. Он мог бы получить всё, что пожелает, но из-за жадности старухи они остаются ни с чем. Рыбка четыре раза выполняет просьбы старика, каждый раз повторяя ему: «Не печалься, ступай себе с богом», но старуха никак не насытится. «Тебя искушают, а ты не искушайся» – гласит христианская традиция. Об этом же говорится и в армянской сказке «Хозяин и работник», где осуждаются жадность, любовь к богатству. Хозяин хочет обмануть своего подопечного, испытывая его, заставляя работать день и ночь, но брат работника оказывается хитрее. Он устраивается на работу к хозяину, принимает его условия, выигрывает спор, получает деньги и за себя, и за брата. Таким образом наказывается хозяин, у которого было всё, но он хотел обогатиться и насытиться за счёт других.

Часто люди ищут причины своего несчастья не в себе, а в окружающих, осуждая других и даже Бога в своих неудачах. На самом деле Евангелие учит искать недостаток в себе: «Вынь сначала бревно из собственного глаза, а потом ты увидишь, как вынуть соринку из глаза своего брата». Об этом говорится в сказке «Глупец», где главный герой сетует на свою судьбу, жалуется на жизнь: сколько бы он не работал, всё равно бед и несчастен. Герой идёт увидеться с Богом, чтобы поведать ему о своих проблемах и получить помощь. Бог даёт глупцу советы, но тот всё понимает неверно и делает неправильный выбор. Мы видим, что Бог даёт возможности и право выбора всем людям, но как ими

воспользоваться решает каждый сам. Можно быть несчастным в богатстве и счастливым в бедности.

В одной остроумной и интересной армянской сказке «Говорящая рыба» рассказывается про доброго старика, который поймал золотую рыбку, но пожалел её и отпустил, ничего не попросив взамен. Однако когда к старику со старухой приходит чудовище, то золотая рыбка превращается в человека, под видом странника приходит к ним домой и отвечает на все сложные, запутанные вопросы чудовища, тем самым спасая их. Поэтому сказка заканчивается словами: «Сотвори добро и хоть в воду его кинь – оно не пропадёт». Это говорит о том, что совершать добрые поступки нужно бескорыстно, как говорится в Евангелие: «Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне». Не нужно ждать благодарностей взамен твоих добрых слов и поступков, не нужно выставлять напоказ, нужно творить добро с чистым сердцем, ведь милосердие – одно из главных предписаний христианской нравственности.

В другой армянской сказке «Барекендан» описывается подготовка к Масленице. В последний день перед началом великого поста люди празднуют, так заведено по христианскому обычаю. Ещё один религиозный обычай описывается в сказке «Смерть Кикоса». Бедняк говорит женщинам: «Эй, дурехи! ...чего вы сидите тут да сокрушаетесь? Как ни причитай, сколько ни плачь, все равно Кикоса не воротишь. Вставайте да и домой: позовем соседей, отслужим панихиду и справим поминки. Слезами горю не поможешь. Уж такова наша жизнь: как пришли, так и уйдем»

[9, с. 67]. У христиан проводится церковная служба по умершему в день похорон, а также на третий, девятый или сороковой день после смерти либо в годовщину его смерти или рождения.

Главный герой сказки «Храбрый Назар» идёт к сельскому попу, чтобы тот его благословил и написал на тряпичном лоскуте: «Храбрым Назаром зовется недаром / Тысячу бьющий единым ударом» [9, с. 98]. В те времена именно священнослужители были грамотными людьми, поэтому существовали приходские школы, и церковь занималась образованием людей. Автор тем самым подчёркивает важную социальную, просветительскую функцию, которую выполняла и по сей день выполняет церковь.

Рассматривая русские и армянские сказки в новом ключе, с религиозной точки зрения, мы открываем для себя другой, духовный мир, мир правды Царства Небесного. Сказки становятся нечто большим: символом веры, надежды, покаяния, святости, милосердия, символом спасения. Может быть, поэтому нерушимый закон победы добра над злом передаётся от поколения к поколению уже на протяжении многих столетий. Рассматривая сказки двух народов с мифологической точки зрения, мы становимся ближе к нашим предкам, к архаическому человеку эпохи античности и открывается совершенно иной, волшебный мир мифологических сказок, где свои представления о жизни, смерти и бессмертии, о силе и могуществе, о сотворении мира и жизни на ней.

ГЛАВА 2 ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА АРМЯНСКОЙ И РУССКОЙ СКАЗКИ

2.1 Образы положительных и отрицательных героев бытовых сказок

Как изобразить картину мира в художественных произведениях? На помощь приходят образы, передающие мысли, представления о мире, фантазии человека и реалии жизни. Сказки не являются исключением, в них также существует образная система. В литературном энциклопедическом словаре даётся следующее определение данному понятию: «Образом называют любое явление,

творчески воссозданное в художественном произведении (особенно часто – действующее лицо или литературного героя), например О. войны, О. народа, О. Наташи Ростовской в «Войне и мире» Л. Н. Толстого. Как отражение действительности О. в той или иной степени наделен чувственной достоверностью, пространственно-временной протяженностью, предметной законченностью и самодостаточностью и другими свойствами единичного, реально бытующего объекта. Художественный образ есть результат деятельности воображения, пересоздающего мир в соответствии с неограниченными духовными запросами и устремлениями человека, его целенаправленной активностью и целостным идеалом. В образе, наряду с объективно существующим и сущностным, запечатлевается возможное, желаемое, предполагаемое, то есть всё, что относится к субъективной, эмоционально-волевой сфере бытия, его непроявленным внутренним потенциям. В отличие от чисто психических образов фантазии, в художественном образе достигается творческое преобразование реального материала: красок, звуков, слов и т. д» [12, с. 376].

Образы и их создание неразрывно связаны с культурой народа, и у каждой нации свои сказочные герои, но есть в них и нечто общее, что их объединяет – это мудрость поколений, вера в победу добра над злом и человечность. В сказках находят отражение традиции и обычаи русичей и армян, многочисленные бытовые приметы.

Русичи жили в домах деревянных (потому в сказках обычно упоминается «изба»), а армяне – в каменных. Символом очага на Руси всегда считалась печь, на которой

можно было отдохнуть и «косточки погреть». А атрибутом жилища армян является тандыр («тонир»), поэтому героини армянских сказок в основном изображаются возле него, они пекут хлеб и поют песни. Русскую избу трудно представить без киселя, аппетитных пирогов и кринки с молоком, а армяне утоляли жажду напитком «тан» – кисломочным напитком из мацони или чаем, заваренным на горных травах, и по некоторым версиям, пивом. Любимым же лакомством был и остается «бурум» – лаваш, в который заворачивали сыр и зелень. Существует предание о том, что римляне, проиграв битву армянам, задали им вопрос: «Откуда в вас такая сила?» Тогда армяне отвели их к ручью и показали воду, которая вытекает из недр земли, а потом дали им попробовать «бурум». Такой ответ вполне удовлетворил любопытство римлян.

Однако были и существуют ныне блюда, которые присутствовали в кулинарии обоих народов. То, что в русской сказке называется «похлебка», в армянской сказке называется «апур». Похлебка (или апур) могла быть разной – картофельной, капустной, щавелевой.

Чтобы представить себе мир армянской сказки, нужно погрузиться в мир живой природы, описанный Мариэттой Шагинян: «Пустынные, сожженные солнцем нагорья, наполненные утомительным стрекотанием кузнечиков, с одиноко стоящими на горизонте кристаллами Арарата и Алагеза, редкие сады, тощая растительность – красный лошадиный щавель, высохшие свечки молочая, пахучие, пряные травки на сухой и жаркой земле, камни, горы, скалы – гнездилища змей и ящериц. И вот над этой пустынной

землею рисует фантазия рассказчика воздушную географию сказки...Прежде всего он наполняется бесчисленными городами, с неизменным царем в каждом из них. Разделительным бассейном между ними служит море. Но тихо и недвижно это море: нет на нем ни веселых «корабликов» (как в русских сказках), ни плотов, ни лодок... Затем высятся в сказках неизменные горы, иногда высокие, как «Масис» (армянское название Арарата), жилища то добрых духов каджей, то злых красавиц, то дэвов. Они прорезаны пещерами, обителью змей. На этих неприступных горах встречаются драгоценные камни, сверкающие там, как солнце. Горы одухотворены. Часто они обладают даром периодических движений. Есть в сказках волшебное ущелье, расходящееся лишь на сутки: через каждые 24 часа горы сдвигаются, точно в могучей спазме, и раздавливают своими грудями застрявшего путника...Реже попадаются реки. Зато в каждой сказке есть родничок и колодец. Вода, как и солнце, в сказках наделена мифической сущностью. С каждым родничком непременно связано что-нибудь таинственное, у каждого обитает добрый или злой дух, и потому обычно не советуют путнику делать привал у родника. То темной ночью, при крике невидимых куропадок, превращаются там спящие в камень, то безобразный дракон-вишاپ охватывает их своим кольцеобразным туловищем. Колодцы, напротив, лишены всякой мистики. Зато они часто являются средством для человеческих злых умыслов: муж спускает туда сварливую жену, завистливые старшие братья – более счастливого младшего и т.д.» [56, с.12-13].

Сказки народов рассказывают о схожих приключениях, имеют одинаковую сюжетную линию, а главное – они близки по идейному смыслу. Бытовые сказки отличаются от волшебных тем, что в них нет фантастических существ, повествуется об обыденной жизни, героями являются простые люди, не обладающие магическими силами: муж, жена, барин, крестьянин, купец, царь. В них речь идёт о женитьбе, о неумелых и ленивых хояйках или мужьях, о глупцах, о господах и их слугах, о хитрых и смекалистых бедняках, одурачивающих своих господ, о разбойниках. Схожи армянская бытовая сказка «Храбрый Назар» и русская бытовая «Сказка про Ивана-дурака». Только герой русской сказки глуп, а «Храбрый» Назар очень труслив «...один и шагу лишнего не ступит, хоть убей. С утра до вечера все около жены держался» [9, с. 96]. Если Иван-дурак выполняет все условия царя и с помощью волшебных помощников совершает подвиги, то подвиги Назара придуманы и гиперболизированы. По счастливой случайности он получает табличку, на которой написано: « Славный герой, храбрый Назар, – Тыща сраженных – один удар!» (при этом «Тыща сраженных» – это мухи, которых он убил одним ударом) [9, с. 98].

Также случайно он побеждает тигра: в страхе бежит от него, взбирается на дерево, оттуда падает на тигра, находящегося под деревом, и зверь бросается бежать от неожиданности и ярости. Это видят жители и удивляются силе героя, которому удалось укротить тигра. Фортуна улыбается Назару и во время войны: ретивый конь, чувствуя на себе неопытного седока, рвется вперед, навстречу врагам,

а «храбрец» хватается за дерево, которое оказывается гнилым и остается у него в руках. Враги, видя все это и зная о подвигах героя, пугаются и бегут обратно.

Если Иван не говорит о своих достижениях, то Назар хвастается перед всеми и лжет. Однако общим является то, что персонажи той и другой сказки заслуживают уважение и почет, берут в жены красавиц-царевен, становятся царями. Незатейливая, на первый взгляд, наивная детская сказка на самом деле представляет историю человеческой судьбы: зачастую богатство, власть, честь и уважение получают те люди, от которых ничего выдающегося не ожидают, считают недалекими, трусоватыми, но удача улыбается именно им.

Таким образом, мы видим, что Ивана-дурак и Храбрый Назар – положительные герои, так как они беззлобны, не ищут выгоды, не корыстолюбивы, не причиняют никому вреда, иногда они смекалисты, в людях и во всём происходящем видят только хорошее. Эти персонажи самые любимые у русского и армянского народов.

Жадность – один из человеческих пороков. Таких жадных, отрицательных персонажей мы часто встречаем в сказках, но всегда находятся изобретательные молодые люди, которым подвластно проучить своих хозяев. В русской сказке «Умный работник» поп ставил своим работникам условие: если уйти раньше срока, то никакой оплаты не будет. Так он заставлял работников выполнять тяжелую работу, но при этом морил голодом. Долго никто не выдерживал и все уходили раньше срока. Так случилось и с двумя старшими сыновьями бедного старика, но младший сын нашёл множество способов сделать наоборот: добывал еду,

выполнял все приказы неправильно, врал и своей хитростью поставил попа в безвыходное положение: Да я не один, – шепотом говорит молодец, – со мной батюшка нездоровый – вроде не в своем уме. Так смиренный, тихий, а как услышит, что два раза одно и то же скажут, как лютей зверь становится, на людей кидается... Хозяйка промолвила:

– Садитесь, гости, с нами хлеба-соли отведать.

Работник сразу за стол, а поп ждет, когда еще раз попотчуют. Хозяева другой раз не зовут, не смеют. Сели ужинать. Сидит поп в стороне, злится на себя: «Надо бы сразу за стол садиться». Так и просидел весь ужин несолоно хлебавши» [3, с. 14]. После он вовсе обманывает попа, говоря, что тот случайно убил старика, в доме которого они ночевали. Работник просит пару коней, триста рублей денег, чтобы якобы откупиться от них, и конечно же, себе за хлопоты сто рублей. Герой возвращается домой, приводит отцу пару коней и деньги, получив таким образом от попа и за себя, и за братьев сполна. Таким же жадным, как поп в русской сказке, оказывается богатый хозяин в армянской сказке «Хозяин и работник». Он также ставит странное условие: «Если до истечения срока уговора один из нас рассердится, пусть он платит неустойку: если ты рассердишься – плати мне тысячу рублей; а я рассержусь – плачу тебе столько же» [9, с. 87]. Здесь речь идёт не о трёх братьях, а о двух братьях-бедняках. Старший не выдерживает условий хозяина, так как тот заставляет его работать с самого рассвета и даже ночью, тоже плохо кормит. Работник сердится, проклиная хозяина, уходит с пустыми руками, дав ему письменное соглашение выплатить 1000 руб. Когда

младший брат узнаёт об этом, он идёт устраиваться на работу к этому же богачу. Дальнейшие его действия направляются исключительно на то, чтобы рассердить своего хозяина: он не работает, всё время спит, перерезает всех овец в хозяйстве: «Послал он работника на скотный двор зарезать одну из овец. – Какую? – спросил работник. – Какая попадётся... – Ведь ты же сказал: "Какая попадётся, такую и режь". Я так и резал, и ничего дурного не сделал, – спокойно ответил работник и спросил: – Но, как вижу, ты сердишься? – Нет, не сержусь, но мне жалко, что ты зря истребил моё стадо...» [там же, с. 90]. Однако хозяин не может так долго терпеть своего нового работника, по договору он должен уйти с весенним кукованием кукушки. На тот момент была ещё зима, но хозяин решает перехитрить героя и заставляет жену сыграть роль кукушки, но и тут младший брат оказывается умнее: «Как вошли они в лес, жена хозяина и давай куковать:

– Ку-ку! Ку-ку!

– Ого! Поздравляю тебя: кукушка кукует – твой срок службы истёк. Паренёк сейчас же понял проделку хозяина.

– Нет, – сказал он, – слыхано ли дело, чтобы среди зимы куковала кукушка! Я эту кукушку должен убить и посмотреть, что это за птица такая.

При этих словах он прицелился, направив ружьё на дерево, на котором сидела жена хозяина. Хозяин с рёвом бросился на него и едва уговорил работника не стрелять.

– Да чтоб ты сдох, скотина, извёл ты меня!..

– Ты сердишься, как я вижу? – спросил работник хозяина.

- Да, да, братец, сержусь! - ответил тот, - Пойдём, я уплачу тебе, и отвяжись ты от меня!» [там же, с. 92]. Сказка заканчивается известной поговоркой: «Не рой чужому яму - сам в неё попадёшь».

И снова в бытовых сказках добро побеждает зло, жадность и жестокость побеждаются умом и смекалкой. Несмотря на то, что работники изводят своих хозяев, врут и издеваются, они совершают это в благих целях, ведь только так можно проучить ненасытных людей, глумящихся над бедняками. Их действия направлены на то, чтобы справедливость восторжествовала. Герои этих сказок также любимы народом, как и Иван-дурак и Храбрый Назар.

«Не в силе Бог, а в правде» - гласит известное высказывание Александра Невского, но как быть, если те, у кого есть сила, влияние, мощь и богатство (барин или царь), заставляют солгать? В остроумной армянской сказке «Лжец» представлена история о том, как царь готов отдать половину своего царства тому, кто придумает такую небылицу, в которую он не поверит и скажет: «Ложь». Своё счастье решили попытать пастух: «- Долгой жизни царю! У моего отца была дубинка, которой он доставал до неба и перемешивал звёзды. - А что тут удивительного? - отвечает царь. - У моего деда была трубка, так он бывало один конец возьмёт в рот, а другим прикуривает от солнца» [9, с. 61]. Затем приходит портной: « - Уж ты прости меня, царь, собирался я прийти раньше, да запоздал. Вчера сильный дождь шёл, гроза разразилась, и молнией разорвало небо. Так я ходил зашивать его. - Хорошее дело сделал, - говорит царь. - Только зашил ты непрочной - сегодня утром опять

дождик моросил» [там же, с. 62]. Самым сообразительным и остроумным оказывается бедняк-крестьянин: « - Ты мне должен меру золота, вот я и пришёл за ним. / - Меру золота? Ложь это! Не должен я тебе никакого золота! / - А раз это ложь, отдавай мне половину царства! / - Нет-нет, правду ты говоришь, - хотел вывернуться царь. / - Если правду говорю - отсыпай меру золота» [там же, с. 63]. В русской сказке «Чего на свете не бывает» в роли царя выступает барин, который хочет потешиться и потешить своих гостей, поэтому он загадывает загадку крестьянину - чего никогда не увидишь на всём белом свете. За правильный ответ мужику полагается золото и серебро. В первый раз мужик говорит, что нельзя встретить людей, которые подпоясывались бы топорами, а барин не верит; во второй раз мужик говорит, что никогда женщины не служили и не служат в церкви, барин опять не верит, а уже в третий раз крестьянин говорит, что был на небесах, а там покойные родители барина служили детям мужика. Тогда барин, конечно же, верит ему и отдаёт обещанное вознаграждение. В этих сказках царь и барин являются отрицательными персонажами, так как они для своей потехи используют обычных людей, не считаются с их чувствами, смеются над их беспомощностью и бедностью. И всё это только потому, что они богаче. Однако оба сюжета доказывают, что несмотря на свою власть, они могут проиграть обычному крестьянину, который оказывается хитрее, умнее и смекалистее. Именно простые работяги являются положительными героями в обеих сказках. Есть также некоторые отличия в сравниваемых текстах: в армянской -

царь объявляет свою волю по всей стране и к нему приходят три разных человека, ему рассказывают разного рода небылицы, наделённые волшебными элементами, только третья история заставляет его воскликнуть: «Ложь», тогда из двух зол он выбирает меньшее – отдаёт крестьянину «выдуманный», несуществующий долг взамен полцарства. В русской сказке барин загадывает загадку конкретному человеку и мужик, чтобы правильно ответить на вопрос, сначала говорит правдивые вещи, соответствующие истине, и только в третий раз говорит выдуманную историю, неправду, чтобы барин точно поверил. Самолюбие богача ему оказывается дороже золота, поэтому он принимает правильный ответ, дав золото и серебро мужику.

2.2. Герои и антигерои в волшебных сказках

Какие бы враги ни вторгались на территорию Армении, каким бы опустошительным набегам ни подвергалась армянская земля, свободолюбивый дух и высокое национальное сознание позволили армянскому народу отстоять и сохранить свою нацию, свой язык и обычаи, пронести сквозь все испытания истории свою многовековую духовную и материальную культуру. Мудрость, долготерпение, верность, трудолюбие и стойкость – все эти черты запечатлены в армянских народных сказках. Особое место среди них занимает «Анаит». Анаит – это армянское имя, которое означает «сердце», «дыхание добра, счастья, блага». Это имя носила армянская богиня материнства и любви Анаит. Её часто называли «Великая Царица», «Златорождённая», «Золотая мать». За богиней упрочилась

слава великой матери-богини – заступницы и кормилицы. После принятия христианства в Армении в качестве государственной религии в 301 году поклонение богине Анаит трансформировалось в поклонение Богородице.

Действительно, в сказке героиня предстает как хорошая хозяйка, жена и хранительница своего очага. Она стремится спасти своего мужа по первому зову и собирает войско. Дочь простого пастуха умна и благородна, о чем свидетельствуют ее речи: «Сегодняшний господин – завтра может стать слугой. Ремеслом должен владеть каждый, будь он царь или слуга» [5, с. 51]. Настоящая покровительница и защитница, чуткая и внимательная девушка «дыханием добра» и покоряет сердце царевича Вачагана. Благодаря сообразительности и интуиции, она нашла у купца парчу, на которой были вышиты царевичем следующие слова: «Любимая Анаит, я попал в страшный ад. В нем я встретил Вагинака. Доставивший парчу – один из демонов этого ада. Ищи нас к востоку от Перожа под обнесенным стеной храмом. Налево от алтаря стена раздвигается надвое. Торопись, нам грозит смерть. Вачаган» [5, с. 57]. Анаит наделена в сказке сверхъестественной силой и изображена как божество: «Анаит оседлала огненного коня, обскакала свое войско, скомандовала «вперед» и помчалась в Перож, вздымая за собой облако пыли. Войско Анаит осталось далеко позади, когда она остановила огненного коня посреди площади Перожа. Жители, приняв Анаит за божество, преклонили перед нею колени» [5, с. 59]. Имя героини в сказке ассоциируется с именем богини материнства и любви Анаит, представленной в мифологии. Значение имен в

фольклорных произведениях имеет определенный подтекст и может многое сказать о герое. «Как всякое культурное явление, личные имена возникают, распространяются и применяются в определенных исторических условиях, отражая общественные представления эстетики и морали своего времени» [41, с. 343].

Подобный мифический образ есть и в русской народной сказке «Царевна Лягушка». Здесь Василиса Прекрасная представлена умной девушкой, она была мудрее своего отца, и поэтому он превратил её в лягушку. В мифах она богиня жизни Жива, дочь Сварога и Лады. В сказке говорится: «Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила; закусила лебедем да косточки за правый рукав спрятала. Жены старших царевичей увидали ее хитрости, давай себе то же делать. После, как пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой – сделалось озеро, махнула правой – и поплыли по воде белые лебеди; царь и гости диву дались» [1, с. 413]. О том же повествуется и в мифе: «И те косточки, что остались от трапезы богиня Жива складывала, и кружилась в танце Жива Свароговна: одной ручкой махнет – встанут лес и река, другой ручкой махнет – летят птицы под облака» [4, с. 55].

Образ Анаит близок также образу из русской сказки «Морской царь и Василиса Премудрая». Они очень похожи: хороши собой, обаятельны и умны. В центре внимания в этих сказках – женщина, которой подвластно все. Она добивается своего как с помощью волшебства, так и с помощью смекалки, знаний, хитрости. Например, Василиса могла обернуться уткой, голубем и улететь, могла стать овечкою, а

Ивана, своего мужа, преобразить в пастуха. В ее воле обернуться церковью, а коней превратить в озеро. Она умна и находчива, поэтому выполняет все поручения царя-отца, которые он давал Ивану: «Гей вы, муравьи ползучие! Сколько вас на белом свете ни есть – все ползите сюда и повыберите зерно из батюшкиных скирдов чисто-начисто» [5, с. 60]. Героиня произносит мудрые слова: «Это не беда, беда впереди будет! Ложись спать с богом; утро вечера мудренее» [5, с. 54].

Что же касается Анаит, то она сообразительна и мудра не по годам. В этом можно убедиться, если проанализировать эпизод сказки, в котором девушка не даёт сразу напиться воды царевичу, лишь только в ответ на шестую просьбу она подала ему кувшин и объяснила свое поведение так: « Я видела, что вы разгорячены охотой, а вода в роднике холодна, как лед. Даже разгоряченного коня хороший хозяин не поит холодной водой» [5, с. 49]. А вторым ярким эпизодом можно считать ее отказ выходить замуж за царевича, пока он не научится ремеслу: «Сегодняшний господин – завтра может стать слугой. Ремеслом должен владеть каждый, будь он царь или слуга» [5, с. 51]. Здесь Анаит, как и Василиса Премудрая, когда говорит, что Иван забудет про нее, вернувшись к родителям, оказывается совершенно права. И в той, и в другой сказке героини предсказывают дальнейшую судьбу и только благодаря этому их мужья возвращаются к своим женам. Стоит также отметить, что и в русской, и в армянской сказке избранником героини становится единственный сын царя, а своеобразной завязкой становится озеро – именно вода знакомит Анаит с Вачаганом, а Василису с Иваном.

Однако, несмотря на множество общих черт, сюжеты сказок сильно различаются: в сказке «Морской царь и Василиса Премудрая» больше волшебства, а сказка «Анаит» более реалистична (правдоподобна), хоть и наделена волшебными элементами. Если Василиса Премудрая – дочь морского царя, то Анаит – дочь простого пастуха. В русской сказке значительную роль играют герои – помощники (старуха, муравьи, пчелы, слуги), в армянской сказке их нет, Вачаган сам спасает себя из беды. В преодолении возникающих препятствий Василиса Премудрая использует волшебство, а Анаит полагается только на свои силы и умения: она сражается, как храбрый воин, чтобы помочь мужу выйти из западни. Василису и Ивана преследует отец героини, морской царь, стремясь не выпустить из своих морских владений, а Вачаган находится в плену у жрецов и старца. Знаком, который помогает влюбленным воссоединиться, в русской сказке становятся голуби, а в армянской – узоры, вышитые на ковре.

Морская лошадь – прекрасное мифическое существо в армянских сказках. Она обладает особыми способностями: очень быстро скачет, летает по воздуху, разговаривает человеческим голосом и даёт советы. Основная задача морской лошади – перевезти своего хозяина через море. Тогда лошадь просит хозяина взять меч, приставить его рукояткой ко лбу, а острием к морю. При исполнении этих указаний они оба оказываются на том берегу моря. Лошадь для древних армян была животным от Бога. К тому же, армяне одними из первых приручили их и начали разводить, поэтому в древних письменах можно часто найти упоминание

о лошадях и их значимости. Если обратиться к греческой мифологии, то вспоминается Посейдон, который был не только богом моря, но и защитником лошадей и быков. В образе кобылы являлась богиня плодородия. Затем лошадь была «передана» Посейдону и греки верили в морское происхождение этих животных. У Медузы Горгоны и Посейдона был сын Пегас – крылатый конь. Именно такой представлен в армянской сказе «Огненный конь»: «А стойло у Огненного Коня чище, чем царский дворец. В яслях у него изюм насыпан. Царь поглаживает Коня по крутым бокам и говорит на ухо: «- Милый Конь, верный друг, сына тебе поручаю. Позаботься о нём и в целостности и сохранности привези обратно» [5, с. 178]. Огненный конь выступает здесь и как герой-помощник, который даёт советы, помогает младшему царскому сыну пройти испытания и добыть лекарство для глаз отца. О том, что это волшебный морской конь свидетельствуют следующие события: «Говорит Конь царскому сыну: - Слезай и давай попрощаемся. Надо мне спуститься на морское дно...выходит Огненный Конь из воды и ведёт с собой свою сестру Огненную Кобылицу» [там же, с. 183]. Сестра помогает герою перенестись на другой берег моря: «Схватил он девушку и бросился к Огненной Кобылице. А та моментально перенесла их через море к Огненному Коню» [там же, с. 184].

Неудивительно, что и в сказках эти существа представляются волшебными, всемогущими, как бы произошедшими от богов. Образ коня присутствует и во многих русских сказках, берущих своё начало из древних славянских мифов. Белый конь принадлежал славянскому

богу Святовиту. Солнечный бог Сварог каждый день объезжал небо на колеснице, которую везли белые кони. Грозный Перун, бог грома, тоже проносился по небу в волшебной колеснице, но его кони были крылатые. Самым ярким примером коня, героя-помощника в русских сказках является Сивко-бурко: «Сивко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом» [3, с.119]. В сказке «Жар-птица и Василиса-царевна» представлен мудрый богатырский конь, наделённый необыкновенными силами и способностями, он предупреждает стрельца не брать в лесу перо Жар-птицы, чтобы не попасть в беду. Герой всё же ослушивается его, но конь помогает ему выйти из последующих сложных ситуаций, так же как и Огненный конь в армянской сказке. В русской народной сказке «Василиса премудрая» всадники на конях символизируют смену времени суток:

« - Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?

- Это день мой ясный, - отвечала Баба-яга.

- Потом обогнал меня другой всадник - на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?

- Это мое солнышко красное! - отвечала Баба-яга.

- А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?

- Это ночь моя темная» [1, с. 371].

Нельзя не отметить, что образы всё-таки отличаются в сказках двух народов. В армянской - конь (лошадь) обязательно огненный, крылатый или вовсе морское

животное, море для него – стихия, подвластная его силе, для русских сказок это не характерно, но в обоих случаях это волшебные существа, герои-помощники и даже герои-дарители.

Нечистью, представителями зла в сказках являются дэвы или вишапы. В переводе с армянского буквально означают «змея», «дракон». Это древние мифологические существа, которых изображали в виде высоких каменных изваяний. Изначально вишапы являлись божествами или духами воды. Согласно армянской мифологии, вишапы живут в небе, в больших озёрах, либо на вершинах гор. Они завладевают водными источниками и заставляют приносить себе в жертву девушек; с ними борются и побеждают герои в сказках, а в мифах с ними боролся бог грома и молнии Ваагн. Он предстаёт со звездной короной на голове, с огненным плащом на плечах. В левой руке он держит Крест Войны, а в правой руке – Меч-Молнию. Только он мог одолеть грозного Вишапа и очистить Араратскую долину от нечисти: «Могучий Ваагн сильными ударами раздробил головы Вишапа и закинул его труп в Небо, чтобы тысячи Солнц выжгли дотла эту пакость» [11, с. 304]. Герой, подобный Ваагну, есть, например, в сказке «Райский цветок», где белый дэв держит у себя в плену девушку, чтобы её спасти, красивый молодой царевич решает сразиться с ним, к тому же именно девушка оживила его: «А теперь я пойду и сражусь с Белым Дэвом. Сказал это Арин, взял свой огненный меч и вышел наружу. И сошлись две силы в битве не на жизнь, а на смерть. Они бились так, что не было понятно, где теперь небо, а где земля. Белый Дэв ревел, как мрачная туча. Арин-Арманелин

разил своим мечём и влево и вправо и мир задрожал. Битва закончилась поражением Белого Дэва. Воя, шипя и свистя, он уполз обратно в свою мрачную обитель, находящуюся на дне самого глубокого ущелья, которое можно найти у горы Арарат. И затворился он там в своём хрустальном замке. А мир достался прекрасному победителю. Радостные дни пришли в долину Аракса» [5, с. 406].

Драконы очень сильны, имеют несколько голов, но их можно победить, так как они тоже имеют слабые места. В русских сказках – это Змей Горыныч, сын Чернобога. Прежде чем анализировать и находить параллели, стоит вспомнить мифологическую картину мира у восточных славян, которая была представлена следующим образом: "И вот родил Род небесное царство Правь, потом – царство срединное Явь, а следом – тёмное царство Навь. Из мирового неведомого пространства упало семечко, и стал расти огромный Дуб – Мировое Древо, высокое и могучее...кликнул Род птицу Сва и создал себе родича, творца и помощника, – Сварога могучего, вдохнул в него свой всемогущий дух и дал ему не одну голову, а целых четыре, чтобы мог он на все четыре стороны света оборачиваться» [4, с. 25]. Известно, что Сварог и Чернобог или Чёрный Змей поделили между собой землю: справа осталось Правильное царство – небесная синяя Сварга, слева – подземное царство Нави. В сказках при его появлении земля содрогается, гремит гром, он умеет летать, а голов у него несколько (3,6,9,12). Как правило, изо рта его извергается огонь. Мы видим, что он наделён необычными, волшебными способностями, как и многие герои волшебных сказок. Например, в сказке "Два Ивана – солдатских сына"

сказано: «Каждый день выходит из синего моря, из-за серого камня двенадцатиглавый змей и поедает по человеку за единый раз, теперь дошла очередь до царя... Есть у него три прекрасные царевны...» [3, с. 144]. Такой же описание есть и в русской мифологии: «Был у Чернобога еще один сын, Горын Змеевич, перенявший у отца своего всю его змеиную природу, живучесть и многоголовость. Жил Горын в пещере под Черной горой – от слова "гора" он горыном и прозывался. Впрочем, мог этот змей изрыгать изо рта пламя, так что Горыном его звали еще и потому, что в его пасти что-то горело. Было у Горына то ли три головы, то ли шесть, то ли девять: люди, которые его видели, иногда от страха со счета сбивались и не могли точно ответить, сколько же именно было голов у этого змея, – может, и все двенадцать. Когда вылетал он из-под своей горы, то кругом гром гремел и молнии сверкали. Вылетал, отправлялся туда, где жили мирные пахари. Увидит какую девицу-красавицу попригожее, хватить ее когтистыми лапами и несет к себе в глубокую пещеру» [4, с. 33].

Совершенно особенный, по-настоящему оригинальный образ в русских сказках – Кощей Бессмертный. Этот отрицательный персонаж, герой-антагонист, который в армянских сказках представлен чудовищем. Это тоже мифологический герой, сын Чернобога. "Смерть Кощея на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей бережет как зеницу ока" – говорится в сказке.

И русские, и армянские народные сказки, как и сказки народов мира в целом, представляют собой творчество

коллектива, черпавшего свое вдохновение из народной поэзии и отличавшегося, по мнению В.П. Аникина, «жизненной правдивостью, освещением основных, центральных для каждой исторической эпохи тем с точки зрения народа, необыкновенной емкостью и чрезвычайной широтой художественных обобщений, выражающих социально-историческую сущность общественных явлений, высоким художественным совершенством их образов» [16, с. 28]. Сказка только на первый взгляд уводит слушателя из реального повседневного мира в мир фантастический. На самом же деле, каждая сказка – и армянская, и русская – рассказывает о жизни, быте, труде простого человека, выражая народное мировоззрение и надежды на торжество добра и счастья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сказка издавна считается одним из самых увлекательных видов фольклорной прозы. Под народной сказкой в широком смысле этого слова мы разумеем устно-поэтический рассказ фантастического, авантюрно-новеллистического и бытового характера, которое можно отнести и к другим фольклорным жанрам – легенде, преданию, быличке. Очень важное свойство сказки отметил писатель, собиратель сказочного фольклора К.С. Аксаков, указав, что главное в сказке – художественный вымысел, влияющий на содержание сказок, изображение места действия в них, характеры действующих лиц: В сказке рассказчик сознательно нарушает все пределы времени и пространства, говорит о тридесятом царстве, о небывалых странах и всяких диковинках.

Сравнивая русские и армянские народные сказки, мы воспользовались «Указателем сказочных сюжетов», составленным финским исследователем фольклора, автором диссертации «Сравнительное изучение сказок» Антти Амátус Аарне в 1910 году и усовершенствованным американским ученым Ститом Томпсоном в 1965 году. В научный обиход вошёл «Указатель сказочных типов», составленный А. Аарне, так как он рассматривал весь накопившийся материал текстов, находившихся европейских сборниках, в том числе самым крупный сборник русских народных сказок А.Н. Афанасьева.

Наиболее популярные сюжеты волшебных сказок в армянском сказочном фольклоре определены в указателе С.А. Гуллакяна как «Сын охотника», «Благодарный мертвец», «Принцесса на стеклянной горе», «Верный друг», «Похищенная принцесса (царевна, невеста)», «Поиски золотой птицы», «Сын ищет исчезнувшего отца», «Сердце чудовища (дьявола) в яйце», «Жизнь героя в его мече», «Близнецы или братья по крови». В сравнительном указателе сюжетов восточнославянских сказок отмечается, что сюжет «Солдат находит исчезнувшую жену» есть только в русских и восточнославянских записях, однако этот же сюжет бытует и в армянской традиции.

В русском репертуаре среди сюжетов волшебных сказок наиболее популярны сюжеты из раздела «Чудесный помощник»: «Три подземных царства», «Чудесная птица», «Молодильные яблоки», «Сивко-Бурко», «Волшебное кольцо», «Чудесные дары», «Мачеха и падчерица», «Скорый гонец», а из раздела «Чудесный противник» - «Волшебное зеркальце», «Смерть Кащея», «Победитель змея», «Бой на калиновом мосту», «Чудесное бегство».

Очень распространены в армянском и русском фольклоре волшебные сказки о рождении необыкновенного ребенка (сюжет «чудесные дети»). Армянская народная волшебная «Сказка о златокудром царевиче» и русские сказки «Воловье ушко», «Три подземных царства», «Иван Медвежье ушко», «Жихарко», «Лутонюшка», «Два брата», «Иван Сучич», «Горошек» и многие другие разрабатывают этот сюжет. Армянская сказка о златокудром царевиче напоминает русскую народную волшебную сказку «Об Иване-

царевиче, жар-птице и сером волке» и литературную сказку А.С. Пушкина «О царе Салтане, его сыне Гвидоне Салтановиче и прекрасной Царевне Лебеди», созданную на основе народных.

Сюжетный состав армянского сказочного фольклора включает как популярные сюжеты из грузинского, персидского, так и европейского и восточнославянского репертуара. Это определяется географическим местоположением Армении, которая находится между Западом и Востоком, а также сложившимися историческими связями. Армянский репертуар объединяет и хранит сказки, рассказываемые в разных частях света. Совпадение сюжетов говорит о дружеских отношениях между армянским и русским народом, о постоянном общении, в результате которого происходил обмен опыта в культурном плане, заимствование друг у друга мотивов, образов и сюжетов фольклора. Отличия же говорят о том, что у каждого народа есть и индивидуальный репертуар сказок, особенности которого заключаются в наличии для каждого народа индивидуальных характерных типов, сюжетов, историй, контаминаций, частотности их употребления. Например, жанровые разновидности русских сказок отличаются большей замкнутостью и дифференцированностью, а для армянских сказок характерна психологизация, большое количество фабульных событий.

Сюжеты сказок одного и другого народа повествуют о честности, доброте, справедливости и смирении. Объединяет их мотив странствий, поисков (поиск Жар-птицы, поиск

братьев) и случайные встречи (встреча героев-помощников), а также наличие героев-антагонистов, которые путём обмана, хотят победить. Обличая и высмеивая этот порок, изображая мир греха, сказка показывает, к какому миру мы должны стремиться и чего должны избегать.

Теоретико-методологической базой нашего дипломного сочинения являются исследования многих фольклористов, но в основу работы положены исследования Владимира Яковлевича Проппа, автора всемирно известных трудов по истории сказки. Понятия «метасхема», «герой», «функция», «мотив» в его теории сказки тесно связаны. В.Я. Пропп писал о том, что сюжетосложение сказок зависит от действий сказочных персонажей и обозначил эти действия термином «функция». Функции определяют основные мотивы сказки (в разных сюжетах повторяются одинаковые функции-мотивы, например, мотив отлучки, мотив похищения, мотив нарушения запрета, мотив трудной задачи или испытания и т.д.).

Анализируя метасхему и основные мотивы волшебных сказок «О златокудром царевиче...» (армянская) и «Об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке» (русская), мы пришли к выводу, что в обеих сказках развиваются сходные мотивы:

1. Мотив похищения (рус.: Жар-птица похищает из сада золотые яблоки по ночам; арм.: Златокудрый царевич похищает коня и девушку)

2. Мотив поимки (рус.: Иван-царевич подкарауливает Жар-птицу и приносит ее перо; арм.: Златокудрый царевич находит своих братьев, а также добывает принцессу для дракона)

3. Мотив поиска (рус.: Царь отправляет сыновей на поиски Жар-птицы, обещает награду полцарства; арм.: Златокудрый царевич отправляется на поиски птицы-правды и своих братьев)

4. Мотив выбора пути и приобретения чудесного помощника (рус.: Серый волк помогает Ивану-царевичу добыть Жар-птицу, коня и Елену Прекрасную; арм.: Лиса помогает Златокудрому царевичу добыть коня, двух птиц и красавицу гури-пери)

5. Мотив соперничества и смерти (рус.: Братья убивают спящего Ивана-царевича и присваивают его добычу; арм.: Сестры завидуют младшей сестре и хотят утопить и ее, и ребенка)

6. Мотив наказания (рус.: Раскрывается правда, братья наказаны, Иван-царевич вознагражден; арм.: Раскрывается правда, сестры изгнаны, златокудрый царевич вознагражден).

Для сопоставительного анализа мифологических образов мы обращаемся истокам армянского народного творчества, которые уходят корнями глубоко в древность. Первыми в культурной истории армян появляются мифы о Хайке (Айк, Хайк – эпоним армян) родоначальнике, вожде армянских племен, который борется за освобождение своего народа от чужеземного тирана, и о легендарном Араме – защитнике границ армянской земли (от его имени Арим – Арам происходит название армянского народа). Высшую силу, Разум древние армяне называли Ар, а физическим, видимым воплощением Ара они считали Солнце – Арев. Именно ему поклонялись древние армяне, называвшие себя ареворди

(арм. – чада Солнца). Солнечная символика занимает особое место в армянской религиозности и фольклоре, существуя как бы вне времени, в любое время.

Ярким примером является сказка «Змеёныш Оцаманук и Аревманук, тот, на кого разгневалось солнце». В ней повествуется о юноше, на которого наложили заклятие, поэтому он может жить только ночью, а днём прячется от солнца. Героя спасает его мать, которая проходит долгий и тяжелый путь, находит царицу света, Луйс, и снимает заклятие со своего сына. Мотив проклятия солнца бытует в армянском фольклоре и в виде предания, согласно которого дворец Солнца находится на востоке и только вечером усталый Арев возвращается к своей матери.

Мифологические корни находим и в сказке «Арев и Краг» («Солнце и Огонь»), она основана на мифе о сотворении солнца, бытующем у всех народов. В ней даётся объяснение тому, откуда и каким образом появилось солнце и огонь. Солнце и Огонь расстаются в конце сказки из-за злых людей, которые не ценят свет и теплоту, так как скрывают своё внешнее безобразие.

Мифологические мотивы солнечной тематики присутствуют и в русских волшебных сказках, например, в сказке «Солнце, Месяц и Ворон Воронович». Здесь Солнце тоже изображается как живой организм, мужчина, за которого старик выдаёт замуж свою старшую дочь. В сказке «Мороз, Солнце и Ветер» все три персонажа опять предстают живыми героями, им кланяется старик – как божествам. Все трое спорят о своём могуществе и силе, и Солнце тоже представлено в мужском роде. Данный сюжет отдалённо

напоминает мифы о войне богов, об их борьбе за первенство. Так же, как и в армянских, в русских народных сказках встречаются персонажи, связанные узами кровного родства с Солнцем – Солнышкина Мать («Как Господь ходил по земле [Марко Богатый]»), Солнцева Сестра («Ведьма и Солнцева сестра»).

В волшебных сказках обоих народов есть могущественные мифологические существа, противостоящие положительным героям: Змей, Дракон, Чудо-юдо, Чудовище в армянских сказках носят иные имена – Вишап, Дэв, но характеристики их очень похожи. Они пожирают красивых девушек, умеют летать, извергают огонь и пламя, обладают огромной силой, их облик страшен, у них, как правило, несколько голов. Однако их обязательно побеждает храбрый герой, олицетворяющий добро и справедливость.

При сопоставлении выявились некие самобытные образы, присутствующие только в русских сказках: избушка на курьих ножках; Баба Яга, которая напоминает злую волшебницу, старуху в армянских сказках, а также Кощей Бессмертный, который в армянских текстах уподобляется чудовище, чья смерть находится в игле.

Мы видим, что для создания отрицательного персонажа используются различные методы. Точно так же, как и для создания положительного героя. Внешность отрицательного героя отвратительна, он часто умеет «оборачиваться» то зверем, то человеком, то предметом, то существом другого мира – и все это для того, чтобы затруднить положительному герою выполнение его прямой задачи, для того, чтобы в схватке с этим существом могли проявиться главные

качества положительного героя: смелость, находчивость, ум, сила, терпение, настойчивость, преданность своему народу. Мифологический же пласт, перешедший в сказку (тот же вишاپ, морская лошадь), помогают вписать армянский материал в контекст мировой мифологии, в частности, античной и еще раз напоминает о древности армянского народа и его культуры.

Если в сказках армянского и русского народов содержатся хозяйственно-бытовые, этнические, нравственные, экологические, фантастические и другие мотивы, то совершенно очевидно, что эти же мотивы выступают и как генетические детерминанты сказки. В данном случае хотелось показать единство истоков и детерминант мира сказки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I

1. Алексеева, О.Б. Русские народные сказки: в 2-х т. / О.Б. Алексеева. – М.: Современник, 1987. Т.1 – 510 с.
2. Армянские народные сказки / ред. Л. Дорофеева. – М.: Фортуна ЭЛ, 2006. – 619 с.

3. Афанасьев, А.М. Народные русские сказки: В 3 т. / А.М. Афанасьев. – М.: Гослитиздат, 1957. Т.1 – 331с.

4. Буйнова, Т.Ю. Дети Сварога (древнейшие мифы восточных славян) / Т.Ю. Буйнова. – М.: Проект-Ф: Аквилегия-М, 2008. – 256 с.

5. Ганалаян, А.Т. Армянские народные сказки / А.Т. Ганалаян. – Ереван: Айастан, 1965. – 400 с.

6. Пушкин, А.С. Собрание сочинений в 10 томах / А.С. Пушкин. – М.: ГИХЛ, 1960. – Т.3. – 539с.

7. Пушкин, А.С. Все сказки Пушкина / А.С. Пушкин. – М.: Росмэн-Пресс, 2017. – 144с.

8. Толстой, А.Н. Сестрица Алёнушка и братец Иванушка / А.Н. Толстой. – М.: Алтей, 2016. – 10с.

9. Туманян, О.Т. Сказки / О.Т. Туманян. – Ереван: Эдит Принт, 2009. – 108с.

10. Туманян, О.Т. Сборник сказок / О.Т. Туманян; пер. с армян. Р. Кафриэлянц. – М.: Детская литература, 1987. – 88с.

II

11. Арутюнян, С. Б. Мифы народов мира: энцикл. в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – Т. 1 – 671с.

12. Кожевникова, В.М.; Николаева, П.А. Литературный энциклопедический словарь / В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энцикл., 1987. – 751с.

13. Литературная энциклопедия терминов и понятий / сост. А.Н. Николюкин. – М.: Интелвак, 2001. – 1600с.

14. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000. – 940с.

15. Тимофеев, Л.И.; Тураев С.В. Словарь литературоведческих терминов / Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.

III

16. Аникин, В. П. Русская народная сказка: пособие для учителей / В. П. Аникин. – М.: Учпедгиз, 1959. – 256 с.

17. Аникин, В.П. Русская народная сказка / В.П. Аникин. – URL: <http://rushkolnik.ru/docs/170/index-515595.html> (дата обращения: 15.04.2017)

18. Аникин, В.Л., Круглов, Ю.Л. Русская народная сказка / В.Л. Аниикин, Ю.Л. Круглов. – М.: Высш. шк., 2001. – 418с.

19. Армянские сказки на страницах русских дореволюционных изданий // URL: <http://nashasreda.ru/armyanskie-skazki-na-stranicaх-russkix-dorevolucionnyx-izdaniy/> (дата обращения: 15.04.2017)

20. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 томах. / А.Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995. – 1920с.

21. Брауде, Л.Ю. К истории понятия «литературная сказка» / Л.Ю. Брауде // Изв. АН СССР, серия лит. и яз. – 1977. – № 3. – С. 226-234.

22. Буслаев, Ф. И. Перехожие повести и рассказы / Ф.И. Буслаев. – М.: Синодальная типография, 1886. – Ч.2. – 406с.

23. Ведерникова, Н.М. Русская народная сказка / Н.М. Ведерникова. – М.: Наука, 1975. – 142с.

24. Веселовский, А.Н. Поэтика сюжетов / А.Н. Веселовский. – М.: Высш. шк., 1989. – 307с.

25. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М.: Высш. шк., 1940. – С. 493 - 596.

26. Веселовский, А. Н. Избранное: Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М.: РОССПЭН, 2006. – 688с.

27. Веселовский, А.Н. Собрание сочинений Александра Николаевича Веселовского / А.Н. Веселовский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – Т. 16. – 368с.

28. Гончар, Н.А. О сказках Ов. Туманяна в контексте проблем перевода. К 140-летию Ованеса Туманяна / Н.А. Гончар. – URL: <http://ysu.am/files/05Gonchar.pdf> (дата обращения: 13.03.2020)

29. Гуллакян, С.А. Указатель сюжетов армянских волшебных и новеллистических сказок / С.А. Гуллакян. – Ереван: Изд-во Ереванского университета, 1990. – 48с.

30. Гуллакян, С.А. О сюжетном составе репертуара армянских волшебных и новеллистических сказок / С.А. Гуллакян // Советская этнография. – 1991. – № 6. – С.126-131.

31. Жирмунский, В.М. Сравнительное литературоведение / В.М. Жирмунский. – Ленинград: Наука, 1979 – 476с.

32. Жирмунский, В.М. К вопросу о международных сказочных сюжетах. Сб. статей к 70-летию акад. Н.И. Конрада / В.М. Жирмунский. – М.: Наука, 1967 – 289с.

33. Зуева, Т.В. Восточнославянские волшебные сказки / Т.В. Зуева. – М.: Просвещение, 1992. – 442с.

34. Зуева, Т.В., Кирдан, Б.П. Русский фольклор: Учеб. для высш. учеб. заведений / Т.Ф. Зуева, Б.П. Кирдан. – М.: Флинта, 1998. – 383с.

35. Карапетян, Г.О. Армянский фольклор. Антропология, этнография, мифология, фольклор / Г.О. Карапетян. – М.: Наука, 1979. – 376с.

36. Краюшкина, Т.В. Чудесные дети и их появление на свет в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока / Т.В. Краюшкина // Вестник БГУ. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chudesnye-deti-i-ih-poyavlenie-na-svet-v-russkih-narodnyh-volshebnyh-skazkah-sibiri-i-dalnego-vostoka/viewer> (дата обращения: 18.05.2020)

37. Маршак, С.Я. Избранные письма: собрание сочинений в 8 томах / С.Я. Маршак. – М.: Худож. литература, 1972. – Т.8. – 607с.

38. Мелетинский, Е.М. Структурно-типологическое изучение сказки / Е.М. Мелетинский // Пропп В.Я. Морфология сказки. – 1969. – С. 134 - 162.

39. Мелетинский, Е.М. О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов / Е.М. Мелетинский // Мировое древо. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. – 1993. – № 2. – С. 9 - 62.

40. Мелетинский, Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа / Е.М. Мелетинский. – М.: Изд. вост. лит., 1958. – 263с.

41. Меликян С., Маргарян Н. Армяне. Армянские имена. Исторический экскурс / С. Меликян, Н. Маргарян. – М.: Наука, 2012. – 648с.

42. Минц, С.И., Померанцева, Э.В. Русская фольклористика: Хрестоматия для вузов / С.И. Минц, Э.В. Померанцева. – М.: Высшая школа, 1965. – 472 с.

43. Митяшов, Р.П. Осмысление языческого начала в христианском контексте сказок А. С. Пушкина / Р. П. Митяшов // Молодой ученый. – 2015. – № 14 (94). – С. 593-596.

- URL: <https://moluch.ru/archive/94/21283/> (дата обращения: 11.05.2020).

44. Неклюдов, С.Ю. Авантекст в фольклорной традиции / С.Ю. Неклюдов // Живая старина. – 2001. – № 4. – С. 2-4.

45. Неклюдов, С.Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты / С.Ю. Неклюдов // Традиционная культура. – 2002. – № 3. – С. 3-7.

46. Пропп, В.Я. Русская сказка / В.Я. Пропп. – Ленинград: ЛГУ, 1984. – 332с.

47. Пропп, В. Я. Морфология сказки / В.Я. Пропп. – Ленинград: Academia, 1928 – 149с.

48. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 416 с.

49. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность / В.Я. Пропп. – М.: Наука, 1976. – 323с.

50. Пропп, В.Я. Указатель сюжетов. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / В.Я. Пропп. – М.: Гослитиздат, 1957. – Т. 3. – 579с.

51. Пропп, В.Я. Поэтика фольклора / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 1998. – 352с.

52. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / авт.-сост.: Н.В. Новиков, Л.Г. Бараг, К.П. Кабашников, И.П. Березовский. – Л.: Наука, 1979. – 440с.

53. Топоров, В.Н. Об отражении одного индоевропейского мифа в древнеармянской традиции / В.Н. Топоров // Историко-филологический журнал. – 1977. – № 3. – С. 88-106.

54. Франц, Мария-Луиза фон. Психология сказки. Толкование волшебных сказок / Мария-Луиза фон Франц. М.: Б.С.К., 2004. – 364с.

55. Халатьянц, Г.А. Общий очерк народных армянских сказок / Г.А. Халатьянц. – М.: Типография Т. Рис, 1885. – 32с.

56. Хачатрянц, Я.С., Шагинян, М.С. Армянские сказки. / Я.С. Хачатрянц, М.С. Шагинян. – Москва-Ленинград: АCADEMIA, 1933. – 369с.

57. Хачатурян, Н.А. Волшебство и реальность. Армянская сказка как отражение национальной картины мира / Н.А. Хачатурян // Литературная Армения. – URL: <http://www.litarmenia.am/article/581> (дата обращения: 15.04.2020)

58. Чистов, К.В. Фольклор. Текст. Традиция / К.В. Чистов. – М.: ОГИ, 2005. – 272с.

59. Чуковский, К.И. И первой первая любовь / К.И. Чуковский // Литературная Россия. – URL: <http://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/kritika/i-pervoj-pervaya-lyubov> (дата обращения: 19.09.2019).

60. Шагинян, М.С. Очерки по мифологии армянских сказок / М.С. Шагинян. – Ереван: АН Арм.ССР. – 1961. – 513с.

61. Шахматова, И.Г. Христианские мотивы в фольклоре как результат духовного просвещения / И.Г. Шахматова // Русская народная линия. – URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2011/02/08/hristianskie_motivy_v_folklore_kak_rezultat_duhovnogo_prosveweniya (дата обращения: 17.05.2020)

62. Еремеев, С.Н. Русская литературная сказка первой половины 19 века: структурно-повествовательный аспект: диссертация на соискание ученой степени канд. пед. Наук / С.Н. Еремеев. - Мичуринск, 2002. - 216с.

63. Խաչատուրյան, Ն.Ա. Չարմանալի հայելի: Հրաշապատում հերիաթի թարգմանական մեկնություններ / Ն.Ա. Խաչատուրյան: - Երևան: - 2012, 53էջ:

64. Ղանալանյան, Ա.Տ. Թումանյանը և ժողովրդական բանաստեղծությունը / Ա.Տ. Ղանալանյան // Թումանյան. Ուսումնասիրություններ և հրապարակումներ, հատ.1, Եր.: ՀՄՍՌ ԳԱ հրատ., 1964, 45էջ: